

С К А Р И Н А Д Е М И Н А

ОХОТА НА ОХОТНИКА

МАЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЯ
БОЛЬШОГО ЗАГОВОРА

Магия, меняющая мир

Необыкновенная магия. Шедевры Рунета

Карина Демина

Охота на охотника

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Демина К.

Охота на охотника / К. Демина — «Издательство АСТ»,
2021 — (Необыкновенная магия. Шедевры Рунета)

ISBN 978-5-17-119385-0

Ах, до чего непросто Лизавете во дворце. Тут и девицы, одна другой краше и родовитей. И тайны с заговорами, в которые любопытный нос совать не след. И убийства. А еще князь, напрочь не желающий понимать, что Лизавета ему никак не пара. Не было ей иной печали, как влюбиться в неподходящую личность. У нее, между прочим, конкурс. Месть незавершенная. И планы на жизнь серьезнейшие, в которых всяким князьям места нет.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119385-0

© Демина К., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	33
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	49
Глава 9	57
Глава 10	63
Глава 11	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Карина Демина

Охота на охотника

© К. Демина, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1

Димитрий знал, что он почти умер.

Он был как бы и в теле своем, странно и пугающе неподвижном, и вовне. Он чувствовал, как это тело ворочают, укладывают, пытаются согреть силой, но та уходит в дыру, которой является он сам.

Он пытался дышать.

Но получалось плохо. Сердце то несло вскачь, то, споткнувшись, замирало, и Димитрий понимал, что очень скоро оно остановится.

А потом... стало больно. И плохо.

И кажется, он кричал, только никто не слышал, кроме, пожалуй, свяги. Он зацепился за взгляд льдистых ее глаз и запутался в нем. Он хотел вырваться, ибо взгляд обещал покой, а Димитрий покоя не желал... и он рвался, рвался.

А потом свяга отпустила.

И к нему вернулась возможность дышать, а с нею и видеть. И то, что он увидел, ему совершенно не понравилось.

– Вас спасаем, – ответила рыжая, вытирая рукавом щеку. Рукав был пыльным, щека грязной, а рыжая... донельзя расстроенной.

– Спасибо...

– Лежите, – Одовецкая разминала руки. – Я срастила кость и постаралась вычистить кровь, но... лежите... все же мне пока до бабушки далеко, и вообще подобные раны, чтоб вы знали, считаются смертельными. И вам просто повезло.

Тихо усмехнулась свяга, сворачивая покров призрачных крыльев. И взгляд ее потеплел. А Димитрий попытался было сесть, но понял, что не способен и пальцем пошевелить.

– Я же говорила, что они сразу вскочить пытаются. Лежите, вам еще сутки шевелиться нельзя, если вы выжить хотите.

Выжить Димитрий хотел. Но вот...

– Лешек...

Надобно было позвать кого-то, но кого... и как... и...

– Снежка, он теперь более-менее стабилен. Сумеешь перенести?

И вновь задрожали, расправляясь, полупрозрачные крылья. И раздалась ткань мироздания, пропуская ту, которая принадлежала обоим мирам.

Долго ли, коротко ли...

В темном небе мгла носилась, и Лешек с нею вместе. В какой-то миг сила признала его, обняла ласково, понесла по-над миром. Она растянулась радужным мостом от Северных врат, от мрачных лесов кедровых, до кипящего Южного моря. И Лешек с нею пил горькую воду, носился меж пухлыми облаками, чтобы после нырнуть в глубокую смоляную яму.

Он заглянул в Гнилополье – иссушенное, изломанное.

Он связал разорванные нити, не возрождая мир, но давая лишь малый шанс.

Он побывал на дне Изрючьей бухты, где все еще умирали корабли, пусть и затонувшие много лет тому. Он подобрал утопленников, больше не имело значения, смутьяны они ли те, кто держался клятвы. Он подарил им покой.

Он... вернулся.

Арсинор пылал разноцветьем огней, и это было прекрасно. А небо, будто подхвативши краски, наполнялось алым. Стало быть, рассвет недалече и надобно спускаться. Сила, услышав его желание, покорно спустилась, хлестанув напоследок небо плетью ветра.

Загудел небосвод.

Полыхнул огнем ярким, грохотом отозвался. Вздогнул Арсинор, того и гляди провалится сквозь землю, но ничего, устоял. А Лешек удержался на широкой конской спине. И сила ушла сквозь землю, просочилась сквозь камень, который блеснул золотыми искрами скрытых кладов. Полозова кровь потянулась к ним, да Лешек устоял.

После соберет. Коль нужда выйдет.

Сила же, оказавшись в зале, загарцевала, закружила да и встала точно вкопанная. Только ишь, ушами прядет да косится глазом огненным.

– Спасибо, – Лешек провел ладонью по горячему боку. – Ты ж моя красавица... умница...

Он спешил и не без опаски убрал руку, но сила крутанулась, рассыпаясь темным дымом, а дым обернулся пеплом, и тот, соленый, осел на коже, на одеже, на губах.

Вот тебе и...

Князя уложили на Лизаветину постель. Выглядел он, к слову, препоганейше. Нет, он и в прежние-то времена, следует сказать, красотой особой не отличался, а теперь и вовсе.

Кожа серая. Глаза запали.

Только нос клювастый торчит да волосья в разные стороны. А глаза посверкивают грозно.

– Надо... – он попытался встать, но Одовецкая не позволила. Прижала руку к груди и, поморщившись, признала:

– Надо целителя позвать.

– А ты кто? – Таровицкая сняла с платья паутинку.

– Я целитель, только... – Аглая вздохнула и, погрозивши князю пальцем, добавила: – Я ж теорию знаю, а практика, она другая. Думаешь, мне там было где практиковаться? В монастыре редко приключается что серьезное. С простудами вот шли, с переломами, а у него, между прочим, повреждения мозга.

– Лешек... надо... – князь руку стряхнул и сесть попытался, впрочем, тут же растянулся на постели с преблаженной улыбкой.

– Что ты сделала? – Лизавете было тревожно и за князя, и за наследника, который, верно, остался в подземельях, иначе зачем князь туда так рвется?

И стало быть, надо сообщить, но кому?

– Папеньке скажу, – Таровицкая ладонью пригладила встрепанные волосы.

– Погодь, – Авдотья с видом презадумчивым на револьвер уставилась. – Я с тобой. Не дело это, нынешним часом в одиночестве гулять.

И Солнцелика не стала противиться, кивнула и поинтересовалась:

– А второй где?

– Не знаю... потерялся, наверное... – Авдотья нахмурилась паче прежнего. И Лизавета тоже. Было этакое ощущение некоторой неправильности.

– Сила его позвала, – Снежка стояла у окна, обняв себя, практически закутавшись в белые крылья. Полупрозрачные, они спускались до самой земли, и, говоря по правде, гляделась Снежка жутковато. Ныне в ней, может, вовсе не осталось человеческого. Черты лица и те заострились, вытянулись, и того и гляди ударится оземь да и обернется лебедем. – Он и пошел... с силой управится, значит, вернется.

– А если нет?

– Никто ему не поможет, – она смотрела в окно.

И Лизавета глянула.

Небо было... алым? Аккурат как шелковый платок, который папенька матушке подарил. И молнии расползались, что шитье золотое. Надо же, ни тучки, а туда же, молнии.

– И все-таки сказать надо, – Таровицкая перебросила косу за спину. – И целителя, раз уж такое дело...

– Бабушку...

– Хорошо.

Они вышли, а Лизавета... она просто желала убедиться, что князь дышит. Села рядышком, взяла за руку. Холодная какая. И тяжелая. Да и князь не легонький, всего-то пару шагов надобно было сделать, а едва сумели. Пока еще на кровать положили.

По ладони линии расползаются.

И Лизавета их гладит.

Как тетушка там учила? Линия жизни... вот она, тонкой ниточкой протянулась ажно на запястье, значит, жизнь князю суждена долгая. И впору порадоваться, только как-то все одно страшно. А вот холм Венеры, ромейской богини, которая за любовь отвечает. И еще одна линия под ним, сердечная, ишь, толстая какая, глубокая. Тетушка всенепременно увидала бы в том знак особый, а вот Лизавета только и способна на руку пялиться.

Дышит.

Ровно так дышит, спокойно... и неприлично разглядывать спящих мужчин, однако Лизавета не способна взгляда отвести. Вот морщинки на лбу. И родимое пятнышко под левым глазом, смешное, будто мушку князь наклеил по старой моде. Пятнышко тянет потрогать, но это уж и вовсе...

– Он оправится, – Одовецкая положила ладони на виски. – Главное, чтобы теперь лежал хотя бы сутки, пока ткани не стабилизируются. Иначе кровоизлияние и...

И он умрет?

Не умрет. Лизавета не позволит. Она не хочет, чтобы люди, ей близкие, умирали. Хватит уже. А он близкий? Щетина темная на подбородке пробилась. Колет пальцы. А губы резкие. Интересно, он пощечину простил?

Лизавета вздохнула.

А князь открыл-таки глаза.

– Вот упрямец, – почти восхитилась Аглая, впрочем, рук своих с головы Навойского не убрав. – И главное, какая поразительная устойчивость к внушению... Спи уже.

Спать князь не собирался. Его взгляд зацепился за Лизавету, и губы растянулись в нелепой улыбке:

– Ты... рыжая... знаешь, у рыжих глаза должны быть зелеными.

– Почему? – тихо спросила она.

– Потому что так положено. Но твои мне нравятся больше. Темные. Как вишня. Я вишню люблю. Она кислая... а ты...

– Тоже кислая?

– Рыжая... бесстыжая...

Захотелось одновременно и заплакать, и побить князя подушкой. Тоже придумал – бесстыжая...

– Он не совсем чтобы в себе, – Одовецкая пальцы отняла. – Спутанность сознания – это нормально. Хотя... моя тетушка говорила, что люди, когда бредят, не лгут...

– И целоваться ты толком не умеешь...

Лизавета почувствовала, как вспыхнули щеки.

Целоваться? Не умеет?

– Но я научу, – князь так закрыл глаза. – Потом... устал что-то...

– Значит, надо отдыхать.

– Буду... только ты не уходи, ладно?

– Не уйду, – пообещала Лизавета, мысленно проклиная себя и за слабость, и за язык чересчур длинный.

– Хорошо... Только в следующий раз я тебя лучше клубничкой накормлю, с клубничкой целоваться будет вкуснее, чем с огурцом.

Одовецкая сделала вид, что занята исключительно содержимым своего кофра, за что Лизавета была ей невероятно благодарна.

А еще Лизавету не оставляло ощущение, что она забыла о чем-то важном.

Лешек вышел из круга.

Огляделся.

Тьма была кромешной, но не для внука Полоза. Он коснулся стены, пробуждая камень к жизни, и тот слабо засветился.

– Митька! – Лешек весьма надеялся, что у старого приятеля хватило выдержки дождаться его возвращения. В пользу того говорила приятная пустота подземелий.

Ни магов-поисковиков, ни войска. Ни обеспокоенного папеньки. Ни, что характерно, самого Митьки.

Лешек прислушался к камню и, крутанувшись, шагнул туда, где почуял живое человеческое тепло.

– Митька, зараза ты этакая... – он запнулся.

Митьки не было.

В уголке, прижимаясь к холодной стене, сидела девушка вида самого несчастного и баюкала в руках револьвер.

– Не подходи, – сказала она, револьвер поднимая, – а то стрельну!

– Зачем?

Девушка была смутно знакомой.

Где-то он определенно видел ее, но вот где, когда? Среди красавиц? Или просто во дворце... Неважно, главное, что в подземельях девушке точно было не место.

– Митька где? – поинтересовался он.

А девушка ответила:

– Унесли.

– Кто?

– Девочки. Он раненый был. И Одовецкая сказала сперва, что он умрет...

Сердце кольнуло.

– А потом Лизавета его позвала, и Одовецкая ему голову разрешила...

Душа перевернулась.

Митька умереть не может. Он, конечно, не древнего рода, но маг, и силы изрядной. И не может он умереть, и все тут!

– Она там кости правила, – девушка коснулась пальчиками виска, но револьвер не убрала. –

А потом сказала, что его можно уносить.

– И унесли?

Она кивнула, уточнив:

– Асинья... тропу открыла...

– А ты?

Девушка вздохнула печально-препечально, признаваясь:

– А меня забыли...

Ага. Забыли. Взяли и...

– Они не виноваты, – она опустила взгляд. – Просто... дар у меня такой, меня и родные – маменька трижды на ярмарке забывала. Там людей много, я пугалась, и вот... последнего раза меня два дня искали. И маменька сказала, что больше на ярмарку брать меня не станет, потому что у нее нервы слабые. А я же не виновата. Дар просто... я чуть отошла, там блеснуло что-то, а когда вернулась, то их... Не успела. И куда идти, не знаю.

Лешек протянул руку:

– Я знаю.

Ее ладошка оказалась теплой, а пальцы дрожали, и вид у девицы был на редкость неподходящий для таких прогулок. Вон платье тоненькое, коротенькое, когда сидит, то и коленки ободранные видны. И девица смутилась, потянула за подол, эти самые коленки прикрывая.

Зря. Лешек бы еще поглядел.

– Звать-то тебя как, чудо?

– Дарья, – сказала она и, тихонько вздохнув, добавила: – Только вы ж все равно забудете... Все забывают.

Лешек не стал расстраивать: у змей память на редкость хорошая. А еще от девицы пахло молочным янтарем и самую капельку – медом. Мед Лешек любил, особенно если гречишный.

Волосы у Дарьи аккурат такого вот колеру, темненькие и завиваются.

– Папенька вот... Он же с даром тоже, от него и братьям моим передалось, но с ними, он говорил, всяко попроще будет, а я... Я когда пугаюсь, оно особенно сильно получается, непроизвольно. А пугаюсь я часто.

Она шла рядышком, и набойки туфелек цокали по камням, что копытца.

Невысокая. Аккуратная вся какая-то. Личико вот остренькое, с подбородком мягким и огромными глазами золотого колера.

Лешек даже сглотнул, до того вдруг захотелось заглянуть в них и убедиться, вправду ль золотые. Но удержался.

– Мне настойку делают. Только я от нее спать все время хочу. Не знаю, что хуже, спать или постоянно теряться. Теряться-то я с большего привыкла, приучилась сама.

– А во дворце чего делаете?

Лешек остановился и, сняв испачканный, местами драный, а то и вовсе обгоревший пиджачишко, набросил на плечи новой знакомой.

Мед. И нефрит молочный, той редкой породы, которая не каждому мастеру глянется. И еще собственно молоко, парное, с высокой шапкой пены.

– Так конкурс же... Матушка захотела. Я ведь... мне ведь двадцать три почти, и матушка говорит, что в двадцать три неприлично безмужней быть. Она хотела сговорить меня, но сперва забывала тоже, а после... Знакомиться стали, и понимаете, у нас и соседи есть хорошие, и матушкины приятельницы, только они, когда говорят, меня помнят, а взгляд отведут, и все... То есть знают, что я есть, но вот зачем я им надобна...

И правильно, и хорошо... А то знаем мы эти нравы провинциальные, сговорили б девчонку, едва десятый год ей пошел, а в четырнадцать и вовсе сговор в церкви скрепили, неразрушимым делая. И была б она теперь замужем, а не шлялась по подземельям в сомнительной компании.

Правда, тут же Лешек решил, что он-то аккурат компания наиболее подходящая.

– Маменька пробовала женихов и к нам приглашать, и нам ездить гостеваться... Только я...

– Пугалась?

Дарья кивнула и поникла:

– Но маменька все одно куда-нибудь да сговорила бы, только папенька ей запретил. Сказал, что мне такой муж, который, стоит за дверь выйти, и не вспомнит про супругу, не надобен. А маменька тогда ответила, что мне только в монастырь прямая дорога. И то не факт, что там про меня не забудут.

Она сказала это так печально, что сердце дрогнуло. И Лешек осторожно сжал хрупкие пальчики. Вот же... и получается, он сам ее не видел... или если видел, то забыл?

И стало быть, снова забыть может?

Он нахмурился, взывая к другой своей крови: ну уж нет, на человека, может, дар этот и сработает, а вот со змеевой кровью... будем надеяться, что нет.

– А папенька тогда ей, что, мол, никакие монастыре мне не нужны. Что он мне долю в наследстве, как и Савушке – это мой брат, средний, так вот, он долю выделит. Дом купит где жить захочу... и буду я жить. И плевать ему, что это неприлично, потому как с таким даром все одно сплетни не пойдут. Я уже и приглядела, честно говоря. Есть у нас на самой границе вдовый дом, от моей прабабки. Небольшой, но справный, мне бы хватило.

Дарья высвободила руку и потеряла кончик носа:

– Чешется... Стало быть, колдуют рядом... менталисты... не люблю их, вечно норовят в голову залезть.

– А вы...

– Тоже дар... батюшка мой еще вашему деду служить изволил, за что и награжден был. И во время Смуты тоже отличился, и братья мои на службе.

Лешек позвал камни, которые откликнулись, сменяя цвет с темно-золотого на белый. Протянулись нити силы, с трудом продавливаясь сквозь тяжелые металлические жилы, пролегшие аккуратно под дворцом. Что поделать, матушкины волосы тянули к себе золото, и надо будет отвести после, перетянуть в другое место, пока жила не застыла, пока еще способна двигаться. Глянуть только сперва по карте, где там старые шахты есть, чтоб наново не бить.

– А меня вышивать вот обучали. Только я так и не научилась, – Дарья оглушительно чихнула и прикрыла рот ладошкой. – Сильный, зараза... Это ваш дар?

– Еще нет. Стой здесь. И говори, пожалуйста.

А то вдруг он и вправду потеряет.

– Так... чего говорить? – удивилась Дарья.

– Рассказывай... значит, вышивать не умеешь?

– И шить не умею, и голос у меня так себе, а музицирую вовсе отвратно, хотя матушка научить старалась. После мне это все скучно было, а вот братьев, наоборот, интересно учили, рассказывали про всякое... Я к ним сбегала, а про меня забывали.

Старая сила, задремавшая было, тоже откликнулась на Лешекоев зов. Она раскрылась, развернулась тугой спиралью, потревожив и железную жилу, и совсем крохотную серебряную.

Где же ты? Не друг, а враг...

– Я долго так... и мои про меня забывали, а братовы учителя не обращали внимания, если тихо сидеть.

Никого.

Должен быть. Слушай камень превнимательно. Собирай крупинцы тепла, которого под землю мало, запоминай, как стучит сердце того, кто, должно быть, обнаружил, что сила больше не дичает.

Вот удивился, должно быть.

А вот человек был... Он прятался, и преумело, отгородившись от камня одеждой, и небось непростой... Но вот забылся, коснулся гранита ладонью, а тот и запомнил.

И след горел.

Лешек положил ладонь на камень. И сила отозвалась охотно, потянулась и схлынула, завихрилась, полетела, спеша к метке следа. Вздогнули подземелья, и грохот обвала разнесся по ним.

– Что это? – Дарья вздрогнула.

– Ничего, – соврал Лешек, ее пальчики аккуратно сжав. – Здесь случается.

– А врать вы не умеете.

– Не умею. Думаешь, надо учиться?

– Он все равно ушел, тот человек, – Дарья поморщилась и чихнула. – Не люблю менталистов...

А кто ж их любит?

Стрежницкий не спал. То ли совесть, внезапно очнувшаяся, мешала, то ли просто выпался за день, вылежался, и теперь перина казалась комковатой, пуховое одеяло – жарким, а собственное тело внезапно стало слабым, негодным.

И в голову вот лезло всякое.

– Богдан, – раздался тихий шепоток. – Что ж ты так со мной?

Он повернул голову и руку положил на рукоять револьвера. Оно-то, конечно, охрана охраной, а привычки привычками.

– Сама виновата, – ответил, чувствуя, как вялые пальцы беспомощно скользят по металлу. Ишь ты, и негибаются почти.

Зелья это. Выпейте. Надобно. Боль отступит. Да чтоб он хоть раз еще...

– В чем виновата? – слезливо поинтересовался голосок, от которого рана в глазу зачесалась невероятно. И Стрежницкий закрипел зубами. Вот и где, спрашивается, эта самая охрана? Его, может статься, убивать пришли, а их будто и нет.

Спят, что ли?

– Так и ты ж меня убить собралась, – он закрыл глаза и задышал часто, быстро, заставляя себя сосредоточиться на вялой руке и треклятом револьвере, который оказался дальше, чем должен был быть. – Или не собиралась?

– Я тебя любила, – с упреком произнес призрак.

Повеяло холодом. Жутью.

А в голове прояснилось. Все ж таки боль – хорошее средство, от воздействия помогает наилучшим способом.

– И дитя наше...

– Какое дитя? – пальцы таки добрались до рукояти. – Мы с тобой всего-то с полгодика вместе и побыли, откуда дитяти взяться?

– Мое... мое... – призрак отделился от стены. Он казался бледным пятном. – Разве ж не обещал ты заботиться...

Не обещал.

К обещаниям своим Стрежницкий относился весьма серьезно. И теперь подтянул револьвер поближе, а сам заскулил, надеясь, что выгладит в достаточной мере жалко, чтобы тварь подобралась поближе.

– Ты виноват, виноват... – знакомый голос очаровывал, и на глаза навернулись слезы, сердце в груди вспыхнуло, сжалось, а после пустилось вскачь. Того и гляди разорвется. Во рту пересохло, а пальцы мелко задрожали. – Искупи, искупи... искупи...

– Чем? – Стрежницкий зажмурился, изо всех сил пытаясь противостоять наваждению. А давили крепко, сминая волю; и если бы не благословенная боль в горящем глазу, он бы не выдержал. Он зацепился за эту рану, которая еще недавно злила, и держался ее, смакуя боль во всем ее многоцветье. Он дышал прерывисто и задышался, а в груди закипал кашель.

– Придет... от меня придет... помоги... сделай, что скажет... ты должен... должен... иначе... умрешь...

Призрак подобрался достаточно близко, чтобы Стрежницкий различил тонкий цветочный аромат духов. И как ни странно, запах этот придал сил.

Будут пугать? Как бы не так.

Он поднял руку. И выстрел прозвучал оглушающе, во всяком случае, сам Стрежницкий оглох, а еще ослеп и потерялся где-то, а где, и сам не знал. Мелькнули и полетели темно-зеленым шаром болота, а с ними костры и кони, люди – все, которых ему случалось встречать в жизни своей. И мир, и небо... И только чьи-то серые глаза удержали его от падения в бездну, в которой проклятую заблудшую душу уже ждали черти с кострами. Подождут...

Он пришел в себя сразу, так сказали после. А Стрежницкий согласился. Сразу так сразу. Главное, что очнулся.

И револьвер подхватил дрожащею рукой. И сполз с постели, вставши на четвереньки, поскольку ноги не держали, да и от того, чтобы героически не обмочиться, его удержало лишь чудо.

– Эй, кто-нибудь... – голос звучал на редкость сипло, надсаженно. А еще Стрежницкий распрекрасно осознавал, насколько он ныне жалок. Если бы промахнулся, небось не стали бы нянчиться, подушку на лицо и... Что бы он сделал?

Ничего.

А то и вовсе утянули бы в бездну призрачного мира...

А он не промахнулся.

И теперь сидел над телом девушки в темно-синем платье с белым отложным воротничком. Чулочки шелковые... лицо почти уцелело, пуля вошла аккуратно под левым глазом, причем глаз сохранила, а скулу разворотило. И смотреть на это было... неприятно, пожалуй.

Война...

На войне он видывал и таких вот девочек, и других, моложе, невинней. Застреленных, повешенных, сожженных, замордованных до смерти. И его людьми в том числе, но то на войне, а теперь же мир... кажется, мир... Только почему он чувствует себя поганей, нежели тогда?

Он прижал пальцы к шее, хотя с такою раной девица не могла остаться живой. И покачал головой. Как же тебя так угораздило-то?

До столика, на котором валялся сигнальный амулет, Стрежницкий полз на четвереньках. Его даже не слишком-то удивило, что охрану не встревожил выстрел. Дай бог, чтоб живы оказались...

Он добрался. И поднялся. И, амулетку стащив, сдал в кулаке.

И сел, закрыл глаза, пытаясь отделаться от шепота: «Помоги... помоги и будешь прощен...»

Хрена с два. Не за что ему прощения просить. Не за что...

Глава 2

Князя все-таки унесли.

И папенька Таровицкой, человек высокий и крепкий, хмурился, двигал бровями и губами, но ни слова не сказал. А бабушка Одовецкой, Таровицкого и взглядом не удостоившая, бросила:

– Молодец, отличная работа.

И от похвалы этой Аглая зарделась.

А потом в комнате стало тихо, и когда в ней появилась бледная девушка в пиджаке явно с чужого плеча, никто ее появлению не удивился, а Лизавете лишь подумалось, что писать статью ныне смысла нет, да и писать-то особо не о чем.

Зато князь поправится. Это ведь хорошо?

Ночью ей снилась великая снежная степь, по которой летела собачья упряжка. Огромные псы черной масти бежали легко, не проваливаясь в зыбкий снег, а широкие полозья не оставляли следов. Сидела в груди мехов драгоценных Заячья Лапа, грызла погрызенный чубук своей трубки.

Встретилась с Лизаветой взглядом. И сказала:

– Время близится. Не упusti.

Лизавета, которая вдруг обнаружила, что стоит на снегу босой, кивнула: мол, ни за что не упустит. Правда, чего...

...Она проснулась засветло.

Тихо. Прохладно.

За окном лето, но этот старый камень и в самую жару не прогревается. Вон пол совсем студеный. Прочие спят. Раскинулась на кровати Авдотья, губами шевелит, будто спорит с кем-то. Свернулась калачиком Одовецкая и так лежит, дрожит во сне, зовет кого-то, а кого, не слышно.

Маму?

Снежка лежит на спине. Прямая. И руки на груди сложила. Сама бледная и... Лизавета перекрестилась, уж больно неживой выглядела она.

А вот Таровицкая во сне подушку обняла, стиснула и под живот себе запихала.

Последняя кровать была пуста.

Дарья...

Неудобно вышло вчера, да. И уверения, что подобное случается, не помогли.

Ныне Дарья не спала. Сидела на подоконнике, сжавши кулачки, прислонилась лбом к мутному стеклу и глаза закрыла. По щеке ее бледной ползла слезинка.

– Что случилось? – спросила Лизавета тихо.

– Ничего, – Дарья шмыгнула покрасневшим носом и тихо спросила: – А сильно заметно?

– Что ничего не случилось? Изрядно.

Дарья вздохнула.

– Пойдем, – Лизавета протянула руку. – Холодной водой умоешься. И еще по полтине на каждый глаз положи, минут на десять, хорошо отек снимает.

– А моя матушка огуречный рассол пользует, – Дарья торопливо смахнула слезинку и сползла с подоконника. – Говорит, что лучше его нет.

– Может, и нет, – согласилась Лизавета. – Только где мы сейчас рассол возьмем?

Только-только рассвело. Солнце, темно-красное, налитое, еще висело над самой землей, будто раздумывая, а стоит ли вовсе на небосвод лезть, выдержит ли он, такой хрустально-хрупкий, всю тяжесть светила. Еще немного, и дрогнет, покатится, отмеряя утренние часы. И смолкнут соловьи, уступая дневным птицам...

– Я его люблю, – пожаловалась Дарья в умывальне. – Как думаешь, можно влюбиться с первого взгляда?

– Думаю, что если ты влюбилась, то, значит, можно, – Лизавета тоже умылась.

А вода леденящая.

То ли красавицам не положено, то ли новое испытание удумали, то ли горячую позже пустят. В конце концов, кто в такую-то рань несусветную встает.

– Маменька сказала бы, что это глупость и блажь, что в мужа влюбляться надо.

– А если нету?

– Тогда завести и влюбляться.

Наступил Лизаветин черед вздыхать: муж, чай, не таракан, сам собою не заводится. А если так, то неужели без любви жить? Как-то оно несправедливо.

– Я... я его раньше... на ярмарке... в Арсиноре на ярмарку папенька повез... у меня кошелек украли. – Дарья похлопала себя по щекам. – Давно уже. Мне было десять, и я полгода деньги собирала для ярмарки – папенька давал. А маменька не велела от себя отходить. Только она все по купцам, ей книжные лавки без надобности. Я же хотела... не подумай, у нас большая библиотека в доме, только все больше или про святых, или про полководцев. Я про магию хотела... научиться даром управлять, чтоб... знаешь, это обидно, когда тебя все забывают. А дома только по основам. Вот и хотела купить такую книгу, чтобы... понимаешь?

Лизавета кивнула.

– Вот... я и отступила... думала, что взрослая уже, да и чего мне сделается-то? Привыкла, что люди меня не видят, а тут вот... срезали. Я в лавке только и поняла... книг выбрала, платить хотела, а вместо кошелька одни веревочки. Обидно стало до слез. Я и разрыдалась. А он спросил, чего реву, и книги мне сунул. Потом сказал, что одной гулять не стоит, что опасно, и мы гуляли вместе. Он, его приятель и я...

Дарья вновь всхлипнула:

– Я ж тогда... я просто запомнила его... я людей хорошо запоминаю, а он... он...

– Тебя забыл?

Дарья кивнула:

– Так...

Лизавета прикусила губу: вот и чего сказать? Правду? А кому она нужна? Дарья и сама понимает, что дар у него особого свойства, да и без дара всякого попробуй-ка вспомни девицу, которую видел один раз в жизни и много лет тому.

– Я понимаю все, – Дарья похлопала ладонями по щекам. – Просто... я тоже не думала, что... а встретила и... я без него не хочу... он хороший. Добрый...

– Кто?

– Цесаревич, – прошептала Дарья, слезы по щекам размазывая, и без того красные, те запунцовели совсем уж болезненно. – Он надо мной не смеялся.

Да уж, изрядный повод, чтобы влюбиться.

– Только он меня теперь забудет.

– Может, не забудет.

– Забудет, – с убежденностью произнесла Дарья. – Все же забывают и... и вообще... кто он, а кто я? У папеньки род не древний, у маменьки тоже... денег у нас немного, а... да и вовсе... – Она махнула рукой и тихо добавила: – Пусть уж лучше забудет. И я бы сама... если бы могла... а он... лучше так. Для всех.

Лизавета кивнула. И она не отказалась бы забыть... У князя вот глаза светлые. А еще он хмурится забавно. И вообще... Но кто она? Недоразумение, которому титул достался, и вообще... дева старая, бесприданница, сестрами отягощенная. На таких князья не женятся.

Лизавета коснулась губ.

Дура она, а не дева старая. И сама виновата.

К завтраку накрыли в саду. Наверное, сие было даже мило, во всяком случае, прочие участницы, которых осталось с две дюжины, громко восхищались необычностью завтрака и красотой сада. Их императорское величество присутствием своим завтрак не удостоил, а вот Анна Павловна была.

Она заняла место подле пустующего кресла.

И сидела, задумчивая, отстраненная, казалось, не обращающая на девиц ни малейшего внимания, что, впрочем, никак не сказалось на их старательности.

– До чего великолепные розы! – воскликнула Залесская, обмахиваясь веером. Темно-синий, он несколько дисгармонировал с легким платьем цвета шампань.

Наряды у участниц вновь были до удивления схожи, выполнены в одном цвете и в одном стиле, что, кажется, многим было не по нраву. Впрочем, спорить с Ламановой, не говоря уже об императрице, девицы не смели. А потому силились украсить себя хоть как-то, чтобы выделиться. И вот у кого-то на волосах появилась узкая лента с искусственным цветком. Кто-то мушку к губе приклеил или вот нарисовал ярко-красные губы...

– Сразу видно, что создавал их настоящий мастер, – Марфа поднесла к губам кофейную чашку, но к напитку не притронулась. – Моя матушка училась в университете, и она говорила...

– А вы? – нарушила молчание Анна Павловна.

– Простите?

– Вы не учились?

– К моему сожалению...

– Почему?

Марфа несколько смутилась.

– Потому что дура, – тихо произнесла Авдотья, которая после вчерашнего сделалась на редкость задумчивой. – И даже папенькины деньги этого исправить не в состоянии.

– Это как-то неприлично...

– Почему?

– Тамошние нравы... простите, всем известны. И потому удивительно знать, что... некоторые не скрывают своей... – Веер развернулся и задрожал. – Своего... образования.

– Действительно, как это возможно...

– Именно... Матушка говорила, что ей с трудом удалось сохранить себя для мужа. И она не желала, чтобы я и моя честь подверглись подобным испытаниям.

– Была не уверена, что выдержит? – Одовецкая облизала пальцы и зажмурилась. – Что? В монастыре так не кормят. Знаешь, кажется, я туда не вернусь, даже если бабушка будет настаивать. Открою практику. Только сперва нужно будет получить подтверждение, подам документы, пусть соберут комиссию...

А розы были действительно хороши. Компактные кусты.

Крупные цветы, чья форма идеальна. И устойчивы наверняка что к заморозкам, что к грибкам, которые розы портят преохотно, а извести их крайне сложно. Именно поэтому с розами Лизавета и не любила работать: возни много, а толку... вот то ли дело лилии или те же фрезии, ничуть не хуже.

– Что ж, любое мнение ценно, – Анна Павловна поднялась, давая понять, что слегка затянувшийся завтрак окончен. – И вместе с тем я собрала вас здесь, чтобы объяснить суть следующего испытания. Как вы знаете, близится весьма знаменательный день: именины его императорского высочества князя Гормовского.

Девицы зашумели.

Про знаменательный день знали все и, сколь Лизавета поняла, весьма на этот самый день рассчитывали. Правда, на чем сии расчеты строились, было не до конца ясно.

– Полагаю, вам уже известен порядок праздничных мероприятий, – Анна Павловна коснулась темно-вишневой розы и слегка поморщилась. Что ей не по нраву? Цветок, совершенный в каждой линии своей?

А мероприятия... Что-то такое Лизавета читала...

Торжественный молебен, и не только в храме Спасоземском, но и во всех церквах Арсийской империи, впрочем, вряд ли здесь потребуется помощь.

Парад на Нервской площади.

Народные гуляния с раздачей подарков от имени его императорского высочества.

Посещение Большого Императорского театра, где обещались премьеру нового спектакля.

И на следующий день большой бал, на который приглашены все более-менее видные люди империи. Это не считая малых увеселений для народа. В прошлом году вон бочки с вином выкатывали, раскладывали костры, на которых жарили мясо. А всем сиротским приютам и домам призрения выплатили по сто рублей.

– Ее императорское величество весьма озабочена тем, чтобы все прошло наилучшим образом. Приглашены многие важные для империи люди, которые, однако, порой бывают весьма и весьма далеки от дворцовой жизни. И вашей задачей будет не только сопровождать их, помогая во всем, но сделать так, чтобы ваши подопечные чувствовали себя желанными гостями.

Анна Павловна погладила темный цветок:

– Чуть позже состоится жеребьевка. Каждая из вас получит имя. И надеюсь, вы понимаете, чего от вас ждут. – Ее губы тронула улыбка.

А кто-то вздохнул и робко поинтересовался:

– А... а это прилично?

– Вполне, – Анна Павловна обратила взгляд на Залесскую. – Неприличны глупость и невежество, а от вас лишь требуется исполнить роль. Поверьте, это самая простая из ролей, которые здесь порой приходится исполнять.

...Князь Навойский испытывал преогромное желание присесть, а лучше прилечь. И целители сказали бы, что желание сие вполне естественно, а князю надлежит прислушаться к нуждам собственного тела, пока оно совсем не отказалось ему подчиняться.

Виданное ли дело, ему голову едва ль не до смерти пробили, а он вместо того, чтобы лежать, окруженный заботою, побежал куда-то.

Ладно, не побежал. Пошел. Похромал, на тросточку опираясь.

– Очевидно, князю вновь примерещилось, и в состоянии ума помраченного он совершил смертоубийство девицы Лужниной, – Первцов неожиданно для себя обнаружил, что стал вдруг если не самым главным в конторе, то почти. Князь вон серый, больной, осунулся весь, того и гляди сляжет. И внезапная власть пугала. То есть нет, в мечтах своих героических Первцов не раз и не два примерял место, заменял высокое начальство, пораненное на службе едва ль не до смерти, и конторой руководил мудро, за что после и бывал жалован. В мечтах.

Наяву конторой руководить оказалось не так и просто.

Нет, Первцова слушались. Приказания его исполняли, однако не отпускала препоганая мыслишка, что приказания эти неверны... вот, скажем, взять Стрежницкого.

С одной стороны, девица застреленная имелась. И сам Стрежницкий не отпирался.

И стало быть, вина явная, а потому и действия очевидны, но теперь, перед князем, очевидность их вдруг поблекла.

– И ты, идиот, отправил его... куда?

– В... в заключение.

На щеках вспыхнули пятна. Осознавать себя идиотом не хотелось. Впрочем, кому и когда было дело до желаний Первцова.

– Куда именно? – уточнил князь и поморщился.

Хотелось наорать, а паче того перетянуть Первцова тросточкою по хребту, глядишь, и вправду ток кровяной усилится, прильет кровушка к мозгам и вернет способность мыслить ясно.

Жаль, что закон запрещает применять к чинам нижестоящим насилие.

Ничего... против ссылки закона нету.

Вот закончится это дело, и отправится Первцов на границу, годков на пару, пока опыта не наберется или не помудреет. Говорят, люди в обстоятельствах стесненных мудреют со страшною силой.

– Так... в Заложное крыло.

Димитрий осторожно кивнул. А может... конечно, Стрежницкий невиновен, тут и сомнений нет, но в Заложном крыле издревле держали узников высоких, а потому условия там были весьма себе приличные. Глядишь, и целее будет.

Правда, идти туда далеко, а придется.

– Не надо было? – тихо спросил Первцов.

– А тебя не смутило, что охрана спала? – Димитрий пролистал доклад.

Первцов пожал плечиками: мол, случается и с лучшими из нас.

– И как девица очутилась в его покоях посреди ночи?

– Ну... – Первцов потянул себя за локон. Локоны у него были отменными, крупными, аккуратными, уложенными один к другому, а главное, лысинку прикрывающими. – Может, того, преступной страсти предаться желала?

– Конкурсантка?

– Так... Стрежницкий же... ему все едино.

– Стрежницкий ныне если и способен предаться преступной страсти, то только к питию...

– Но она ж не знала! – возразил, осмелевши, Первцов. И локонами потрянул. И платочек шейный, по новой моде крупным узлом завязанный, поправил. На платочке поблескивала булавка с птицею.

Парная ей брошь украшала карман.

И выглядел Первцов, надобно сказать, препрезентабельно.

А может, он?

Он ведь небогат, сколь Димитрий помнил. Рода среднего, но честолюбив, хотя и умом особым не отягощен. А честолюбие без ума опасно...

Если бы предложили...

– Влюбилась. Решила к возлюбленному пробраться, удивить его...

И главное, чушь эту несет с серьезным видом. Только реснички хлопают, длинные да завитые. Прежде-то Первцов куда как попроще был.

Нет, предать прямо не осмелился бы, характер не тот, а вот принять подношение за малую толику информации... И ведь, ирод такой, он даже не поймет, что важно, а что так...

– А он не признал и застрелил.

С другой стороны...

– Хорошо, – вздохнул князь Навойский, тросточку сжимая. – А Стрежницкий что говорит?

Первцов слегка замялся:

– Да чепуху всякую... кто ж ему, убийце, поверит?

Действительно... и надобно все-таки подвинуть этого красавца безмозглого. Может, прямо теперь услатить или...

– Послушай, – Димитрий положил руку на пиджачишко канареечного яркого колеру. – Есть к тебе важное дело, государственное. Справишься, чином не обижу. Видишь, творится

неладное вокруг? Надобно, чтобы ты к девицам присмотрелся, кто из них о чем говорит, кто из них короны желает. Понимаешь? А заодно чтоб им вреда не причинили.

Первцов торжественно кивнул.

Глядишь, и приберет к рукам кто этакого добра молодца. А если и нет, все одно – хоть под ногами крутиться не будет.

Димитрий прижал ладонь к голове. Ноет. И главное, зараза, отлежаться не выйдет, потому как...

Оно не ждет.

Глава 3

– Чуюла, Марья? – Малжата Ивановна была женщиной солидной, как и полагалось быть почтеннейшей купчихе, дочери купца и матери семерых детей, которых она, к слову, успела пристроить к жизни, и ранняя гибель супруга в том не помешала. Ныне Малжата Ивановна, притомившись от дел насущных, кои вела твердою рученькой, к печали старших сыновей (они сами не отказались бы поуправлять торговлей), изволила пить кофий.

Устроилась она в гостиной, как водится у особ благородных.

За столиком.

И что с того, что столик был поболее тех, которые ей норовили всучить – ломбер, туалет. На этот туалет небось и чашку нормальную не примостыкалишь, а ведь кроме чашки самовар есть, и чайник с бабой плюшевою, и молочник, и масленка с фарфоровою затейливой крышкой. Склянки с вареньями, медом липовым опять же – поди-ка, догадайся наперед, чего душеньке восхочется.

– Пей ужо, – велела Малжата Ивановна компаньонке, которую держала, как сама верила, исключительно из жалости и еще приличиев ради. – И чего там выходит?

А еще компаньонка, будучи из девиц тех самых, благородного рождения, но нищеты изрядной, к своим сорока трем годам сжившаяся и с ролью подчиненной, и с характером Малжаты Ивановны, раскидывала карточные листы. Не сказать, чтобы совсем уж будущее прозревала, но забавно было.

И ныне вот чашку отставила, потянулась к замавленной колоде. Белые пальчики ловко перебирали листы.

Малжата Ивановна шею потянула, сиясь разглядеть, чего ж там такого выпадет. И поневоле поморщилась: слухи по городу ходили самые разные, и все до одного толку нехорошего. И на фабриках появились людишки престранные, стали народец баламутить. Оно-то и хорошо, что пивовары Малжатины из опытных, понимающих, живо скрутили говорунов да городovým передали. А ведь есть и те, кто помоложе, кому голову задурить легко.

Малжата Смуту помнила, как не помнить. И голод после. И...

На стол легла черная карта, пустая. Под нею – висельникова, правда, перевернутая, стало быть, не такая уж страшная.

Надобно будет младшенького отослать, он давно за границу просился на учебу, вот пушай себе и едет. Стасичек с даром уродился, глядишь, маги своих и не дадут бить, помнят, чем оно обернулося.

Девушка в розовом платьюшке вида пренесерьезного. И подле нее рыцарь с мечом преогромным...

– Будущее не предопределено, – низким голосом возвестила компаньонка.

А может, ее замуж выдать? Хорошая ж баба, особенно когда перестает нос драть. Сперва-то и держалась так, будто бы она туточки хозяйка, а после ничего, пообвыклась, гонору поутратила. Вон Ваньшин с заводу давненько на нее заглядывается, мужик крепкий, вдовый.

– Стоит в центре дева с мыслями злыми...

И вправду легла под картой другая, змеиная, и вновь всколыхнулось: бают, что царица-матушка ихнего племени. Так ли оно, Малжата не ведала, только, мыслится, если б у царицы, как треплют, под юбками хвост змеиный был, то как бы она царевича выродила? Да и другое то дело, до которого мужики охочие, небось навряд ли заладилась бы.

– Однако стерегут ее воины...

Пошла языком плести, вона и взгляд затуманился.

Малжата взяла плюшку и прикусила. Сказывали, что давече над Арсинором небо красным-красно сделалось, будто кровью на него плеснули. Недобрая примета. Аккурат перед Смутю самое такое случилось. Нехорошо...

Надо будет денег часть перевести в бриттский банк. Конечно, еще те мошенники, но...

И Аленке велеть, чтоб на воды отправлялась с детьми вместе, небось там оно спокойней будет.

– И будет всем кровь и разорение, – выдохнула компаньонка, листы сгребая, а вторую рученькой потянулась к блюду с эклерами, цапнула один – и в рот. Стало быть, пока крови с разорением не приключилось. Жует и кривится, то ли несвежие подсунули, то ли пересластили, что частенько бывало.

Кровь, значит. С разорением.

– А еще, – с набитым ртом компаньонка разговаривала редко, – еще баба одна... сказывают, кроликов рожать стала. По пятерых за раз!

Вот уж диво дивное...

Честный мастеровой Июлька, сидя на чурбаке, жевал тюрю и слушал, что пришлый баит. Баил, следовало сказать, красиво, прям слово за слово... Вон и молодые посели, ажно рты пооткрывали.

– А они за ваш счет веселятся! – пришлый взобрался на колоду, картузик с головы содрал, прижал к животу впалому. Рученькой ишь помахивает, сам на месте подпрыгивает, и оттого кажется, что того и гляди вовсе из шкуры своей выскочит. – Вот что вы видите? Только тяжкий труд, без продыху, без отдыха! Без права остановиться! Ваши семьи ютятся в темных углах! Ваши дети не видят света!

Июлька фыркнул и ложку облизал.

Следовало бы кликнуть старшого, чтоб гнал этого голосистого в шею, пока не донесли о речах крамольных жандармам. Они-то небось не станут разбираться, кто слушал, а кто так, рядышком сидел. Да шевелиться было лень.

Припекало летнее солнышко.

И так хорошо было, так спокойно. Еще б говоруна заткнуть, глядишь, и вовсе на душе посветлело бы. Но Июлька распрекрасно помнил Смуту и худой домишко, в котором ютились они всемером, да еще батькина сестра с дитями. Мужа ее не то посекали, не то повесили, хату сожгли...

Голодно было.

А зимою и холодно. Еще страшно, потому как сперва малышня померла, слабенькие были, хотя мамка на зиму и крапивы засушила, и сняти, и толкла кору, из которой после варила кашу, мешая с тертыми грибами. От этой каши живот становился тяжелым, ныл подолгу, зато голод отступал.

Да, малые померли.

Июлька думал, что тоже помрет. Ан нет, выжил и даже устроился неплохо. Домик у него свой, и хозяйка при нем имеется. Коровенок двух завела и про третью говорит, мол, в Арсинор молоко только ленивый не возит. А у нее и творог, и сыры клинковые соленые, и иные какие. Она, сирота сама, работы не боится.

Да и он рукастый.

И выходит-то неплохо. Платят, как и сговорились, честно, без обману, да порой и сверх того, когда надобно, чтоб работали быстрее. Так что будет и дочерям на приданое, и среднему на обзаведение. И не надобна Июльке Смута с ее огнями, небось тогда-то тоже говорили, что все, мол, едино для народа, а что вышло? Чудом выжили.

– И алое небо – предвестник великих перемен! – возвестил плюгавенький мальчонка, а после охнул, когда на макушку его опустил Михалычев кулак.

– Не зашиби, – с неудовольствием произнес Июлька, а то ж Михалыч, он человек большого тела, да и силы немереной. Вона в прошлом году быка на спор повалил, тот, правда, поднялся после, но так то бык. В этом же оглашенном и четверти бычьей не будет.

– Не зашибу, – прогудел Михалыч, поднимая несчастного за шкуру.

Не то чтобы жалко его было, просто после обвинят в душегубстве, а у Михалыча детки маленькие. Куда ему на каторгу?

– Пойду кликну кого, – Июлька сунул ложку в сапог. Красное небо... ишь, удумали... это все от безделья, потому как человеку работающему на небеса заглядываться некогда.

В таверне «Кривое перо» по времени раннему людей обычно не случалось. Стояла она близ университета, а потому большею частью в нее заглядывали именно студенты. Они же по утрам кто спал, кто учебой маялся, а потому нынешнее сборище выглядело преподозрительно.

Хозяин, человек почтеннейший, в самом университете не один десяток лет отработавший, а потому распрекрасно знавший: коль что идет не по обыкновению, стало быть, чудить вздумали. Он покачал седою головой и, вытащивши из-под стола банку с франкским грибом, принялся протирать ее тряпочкой. Гриб, следовало сказать, за прошедший год разросся, сделался толстым, коричневым. С виду он напоминал блин, и многие сходились, что сам по себе вид этот был преотвратителен. Но вот напиток...

– А я вам говорю, что второго такого шанса не будет! – этого горлопана почтенный Минисек знал.

Свяжинский. Пятый курс.

Род старый, но не сказать что вовсе древний. Да и обеднели изрядно, Смута крепко их проредила, правда, ныне у Свяжинского трое братьев старших, стало быть, семейного наследства ему ждать нечего, в лучшем случае рублей тысячу отжалуют, и все.

– Мы должны всем показать, что с нами следует считаться! – он кулак стиснул и потряс над головой.

Огневик.

Силы много, а вот с умом сложнее. Натура прет, а сдерживать ее не привык. Все ж зря в университете розги отменили, с розгами сложную студенческую натуру понять было куда как проще.

Хозяин баночку повернул и второй бок тряпочкой оглаживать принялся.

Рядом Торский, паренек неплохой, но больно податливый, как к Свяжинскому прилип, так и держится. У самого голова светлая, но вот дружка своего во всем слушается, едва ль не в рот ему заглядывает. А все почему? Думает, что раз Свяжинские при титулах, то и ведают больше?

А вот Гормовой как в эту компанию развеселую попал?

Книжник.

И будущее ему прочат славное, хотя книжники от мира далеки, что в головах их творится, поди-ка догадайся. Взбрет этакому недорослю мир в лучшую сторону менять, так не остановишь.

Хозяин вздохнул.

Надо будет навестить старого приятеля, узнать, что ж этакого в родном-то заведении творится, что смутьяны всякое стеснение потеряли. Они б еще на площадь пошли бы советоваться. Хотя...

Вон, Гормовский знаки отвращающие чертит, полог ставит, дурачок. Против кого другого, может, полог и помог бы... хотя...

Трактирщик банку на место вернул, сыпанул изюму, до которого гриб великим охотником был, да и активировал записывающий кристалл. Сам же вышел. Чего молодым мешать?

Нехай себе говорят...

И он поговорит, после... Надобно программы уплотнять, а то ишь, свободное время на дурь всякую появилось. И развести этих молодчиков, на границу отправить, пушай повоюют, поглядят, какова она на вид, кровь человеческая. А то языками за благо мира все трепаться горазды.

– Подай, хозяйюшка, подай, добрая, – нищий завывал слезливо, но без души, и потому останавливались перед ним редко, а деньги бросали и того реже.

Он вздохнул и поскреб задницу.

Чесалось.

Ишь, по жаре и вши разгулялись, совсем моченьки не стало, а все почему? Потому как порядок исчез, который заведен был, теперь бани-то не допросишься, будто он, раз на улице живет, не человек вовсе. Небось при Басурмане баню каждую неделю топили. И всех мыться заставлял, окромя только золотушным и то потому, как Вихарка-лекарек на Писании поклялся, что им того невозможно, что помрут.

А теперь чего?

Не стало батюшки, не стало доброго, и враз разругались. Кот Самушнику, который заявил, будто это он самолично от Басурмана избавился, кровь пустил. А после уже и Кота прирезали, двух деньков не прошло, и теперича Джума Казак за главного стал.

Силен он, этого не отнять.

Да только в одной ли силе дело. Вона, первыми коты поразбежались, почуяли, что не сладит с ими Джума, побрезгует гоняться. Может, если кого и споймает, то вздернет, но их еще поди споймай. Шлюхи плачутся, что клиентов нет, денег не носят.

Ворье мелкое разбежалось.

Кто крупней, солидней, те еще платят, да втрое меньше того, что при Басурмане шло. Джума все одно довольный. Нищих вот погнал, вроде как с них прибыль невелик, а вони преизрядно.

Зато появились людишки чужие, магик этот, который на всех свысока смотрит, а Джума думает, будто бы он магиком командует. Идиот. Нет, уходить надобно, забирать накопленное и куда... может, к морю податься? Оно, конечно, чужаков нигде не любят, но проставиться обществу честному у него будет, а там, глядишь, Боженька сиротинушке не позволит пропасть...

– Слышь, – рядом плюхнулся Игнатка, паренек ловкий, справный, да бестолковый. Ему б со своими быть, перенимать умение, а он к ворам тянется, не понимает, что дело это, может, префартовое, однако и опасное. Нищего что? Выдерут. В острог упекут. И отпустят.

А вот вора, коли поймают, прямехонько на каторгу, там уже и клеймо получишь, и от него вовек не избавишься.

– Мне вот чего дали, – Игнатка вытянул из-под полы кипу мятых листочков. – Сказали нашим разнести, чтоб они людям, значится...

Листочки были желтыми и некрасивыми.

А уж писано на них было...

– Выкинь, – нищий ловко приподнялся и, потянувшись, распрямил ногу. Ишь, затекать стала... Может, ему с безногости на падучую перейти? Хотя падучих народишко боится. Тогда за юродивого? А что, лицо чистенькое, надобно только попоститься, чтоб худоба пришла.

– Куда?

– Куда-нибудь...

Юродивый там или слепой... Слепой – тоже неплохо, особенно коль ослеп, отечеству служба, но главное, что не в Арсиноре. Теперь понятно, за что Басурмана убрали. Он бы с этаким дерьмом связываться не стал и другим не позволил.

– Дурак ты, – Игнатка носом шмыгнул, соплю подбирая. – Так и будешь до смерти самой туточки сидеть...

Чем плохо-то? Тепло и мухи не больно кусают, хотя нынешним днем они, надобно признать, свирепые вышли.

– А я вот в люди выбьюсь...

– В петлю ты выбьешься, – нищий покачал головой, уже понимая, что ничего-то он не переменит. Да и надо ли? Коль охота Игнатке зверя коронного за хвост тягать, то и пускай себе. Не понимает, дурья башка, чем подобные игрища чреватые. И видать, прочел Игнатка что-то этакое, понял, если головой косматую тряхнул, оскалился и зашептал быстро так, захлебываясь словами:

– Вот увидишь, скоро все переменится... вона, на этое... именитства велено, чтоб шли на площадь. Бочки небось выкатят. А в тех бочках...

Нищий попритих, только и Игнатка понял, что лишнего сболтнул.

– Весело будет... – сказал он, листочки раскидывая. И ветер поднял, закружил, понес ponad рыночную площадью. – Только не всем... Полыхнет Арсинор, что небо давеча.

И нищий знал, кто будет гореть в том костре.

Только... не маленький уже Игнатка, а он... у него своя дорога, небось велика империя, хватает в ней жалостливого люда. Правда, сперва надо будет словечко шепнуть одному человеку, который, глядишь, и поблагодарит, если не рублем, то подорожной.

Подорожная даже нужнее.

Глава 4

– Стало быть, тезоименитство? – Лешек почесал подбородок, на котором пробилась золотистая щетинка. – Хотя, конечно, он любит пафосность, а более пафосного мероприятия и придумать сложно. Может, отменить?

– А предлог? – Димитрий перебирал бумаги.

Докладные. Доносы именные и безымянные, порой писанные душевно, но большей частью пустые.

– Батюшка заболел, – Лешек снова почесал подбородок. – Можно объявить, что вместо праздника будут молебны, и все такое...

– Значит, беспорядки устроят в церквях. А их в отличие от площади несколько сотен...

– Думаешь...

– Кем бы он ни был, сродственничек твой...

– Не уверен, что родственник.

– Неважно, он слишком долго ждал, готовился, чтобы вот просто так взять и отступить. И да, на площади будут беспорядки... что бы мы ни делали, они будут.

– А что мы, к слову, делаем? – Лешек сел на стол и мотнул ногой. – Если, конечно, это не государственная тайна.

– Отчего же... делаем. Вот взять, скажем, вино... Стоит оно в Путейных подвалах, где и всегда. Правда, эти бочки придется убрать, и выкатят другие, но о том знать не стоит.

Лешек кивнул, принимая. Подумал. И сказал:

– Я на них погляжу.

– На которые?

– На все. Если будет отравка, я должен понять какая.

А отравка будет, не зря слухок новый появился, что царица-матушка, змеиной страсти полная, желает всех людей православных извести. И для того придумала план прехитрый, но какой – никто не знает. Слух был весьма конкретен и в то же время расплывчат. Агенты доносили, что на дорогах сталолюдно. И главное, не то чтобы паника, отнюдь, скорее город замер, ожидая. А вот чего ждал – поди-ка пойми.

– Магам отпуска даем... тем, что на границе. Там многие служат годами безвыездно.

– А отдыхать они будут тут? – догадался Лешек.

– А то...

– А граница?

– Молодежь приглядит. Небось на границе просто и понятно все.

– Справятся ли?

– А куда деваться? – Димитрий пожал плечами. – С бунтом справились бы, стало быть, и за границей присмотрят. Но вообще там тоже спокойно. Так что, вероятнее всего, союзников у него нет, тех, которых стоило бы по-настоящему опасаться.

Лешек вновь кивнул, но как-то так, рассеянно.

– Войсковые учения вот проводим. Готовим порталных магов и армию действовать сообща... техника быстрой переброски...

И перебросят части к Арсинору, правда, в ночь перед праздником и на дальние поля, на которых осенью ярмарки становятся. Ныне там тишь да грязь.

Глядишь, и хватит. Должно хватить.

– Без жертв не обойдемся, – Димитрий встал. Это его и мучило. Хотелось выскочить из дворца и заорать: мол, не ходите, люди... спасайтесь... Только знал: не услышат, а коль и услышат, то... паника никому не нужна. – Постараемся, но не обойдемся...

Патрули. Солдаты.

Маги... оцепление двойное. Менталисты, которых стянули отовсюду, откуда только можно, с одной задачей: не дать толпе сорваться. И они, одетые в штатское, будут гулять, будут сливаться с этой толпой, поднимать чарки и произносить здравицы.

Славься, империя.

Славься... сто лет, и двести, и всю тысячу...

Только не удержат, потому как тот, кто затеял игру, знает про всю эту мышиную возню, и не пугает она его, напротив...

Чего они не поняли? Чего не рассчитали?

– А из остального... В письмах покойной ничего нового. Там сплошные вздохи и стена-ния. Кровь на розе принадлежит девушке. В общем, тут снова пусто. С той, которую Стреж-ницкий подстрелил, тоже работаем.

Димитрий поморщился, потому как голова опять заныла.

– У меня такое чувство, что нас за нос водят.

– Идем, – Лешек протянул руку. – У нас есть еще время. И знаешь, мне давно казалось, что стоит побеседовать с отцом.

Милостью Божию его императорское величество Александр IV, самодержавный власти-тель всея Арсийской империи, а также земель Ближних и Дальних, островов Венейских и трех морей, пребывал в том меланхолично-мрачном настроении, которым травились пиявки.

Они, посаженные на высочайшее чело, дабы оттянуть дурную кровь, а с нею и мысли беспокойные, ибо именно в них, по разумению многих, и заключались болезни, наливались краснотой и отваливались. Целители качали головами, а франкский аптекарь, удостоенный высочайшей чести продемонстрировать тайное свое знание, цокал языком.

– Видеть? – он с восторгом поднимал очередную раздувшуюся пиявку и крутился на пяточках, дабы все собравшиеся сполна смогли оценить ее страшный вид. – Вот она, болезнь! Внутря!

Пиявка отправлялась в банку.

Придворные охали. Вздыхали.

И переглядывались со значением: мол, недолго уже осталось царю, коль от крови его пиявки дохнут. А стало быть, пришло время не только подумать о будущем, но и сделать что-нибудь, дабы это самое будущее не упустить.

– Папенька! – цесаревич кинулся к постели, выбивши щипчики из рук аптекаря.

Те щелкнули, отправляя в полет очередную красную пиявку. Кто-то охнул. Кто-то взвизг-нул.

– Не помирай, папенька! – цесаревич шмыгнул носом и кулачком его вытер. А писарчук, за его императорским высочеством к самой постели пробравшийся, платочек сунул.

– Не буду, – пообещал император, глаза прикрывая.

– И пиявок не губи, – цесаревич отколупал начавшую набухать пиявку и сунул ее в руки писарчука, а тот, не удержавши этакое подношение, выронил, к вящему неудовольствию апте-каря. – Все ж живые твари... жалко их...

– Сии твари есть зосдать Господь, дабы здоровить сильно! – воскликнул франк, пиявку подымая. Ее он отправил в банку к дохлым товаркам. – Они пить дурная кровь. И когда выпить весь, ваш отец жить!

– Совсем весь кровь? – уточнил Лешек, пытаясь скovyрнуть черную склизкую тварь, которая непонятным образом оказалась на собственной его ладони.

– Весь!

– Если весь кровь выпить, тогда что останется?

Пиявка не поддавалась, выказывая неестественную для своего вида прыть.

Придворные зашептались, то ли обсуждая новую для себя мысль, то ли Лешека, то ли аптекаря, который на цесаревича взирал с немалою укоризной.

– Не, – Лешек пиявку таки ухватил. – Нельзя, чтобы вся кровь пиявкам...

Он вручил ее несчастную аптекарю, и та, ловко крутанувшись, плюхнулась на белое запястье последнего, приникла жадно. Небось не кормили для пущего эффекту.

Император же застонал.

И Лешек, взявши батюшку за руку, завопил:

– Папенька, не помирайте пока! У меня именины!

И надо полагать, сия фраза вскорости разлетится по двору, а то и не одна, этак к вечеру будут пересказывать речь, которую цесаревич изволил произнести над бранным телом батюшки. Впрочем, чем бы они ни тешились, абы в заговоры не влезали...

– Подите все прочь, – его императорское величество приподнялся на подушках. – Думать буду... о делах... государственных...

Лицо его было красно и раздуто. Бородка всклокочена, а серьга в ухе поблескивала как-то слишком уж ярко, будто маслом ее натерли.

Но главное, послушаться батюшку не посмели, и вскорости приемный кабинет его опустел, осталась лишь банка с пиявками, которые из этой банки норовили выползти.

– Гадость какая, – пробормотал Лешек, банку двумя пальчиками поднимая. Он перенес ее на слегка запылившийся столик и водрузил поверх бумаг. Кажется, кто-то что-то там просил, то ли титулов, то ли земель, то ли еще каких неотложных милостей.

– Не скажи, – его императорское величество потер шею. – Ишь, взопрел...

Он стянул через голову рубаху, которой и обтерся.

– Вот никогда не любил этой заразы... – Александр поскреб плечо, на котором расцвела красная сыпь. – Зато вышло, по-моему, убедительно...

– А это...

– Матушка твоя расстаралась. Сказала, полезно будет кровь почистить.

– Ага... от этой чистоты вон и пиявки дохнут, – проворчал Лешек, но больше для порядку, поскольку матушка точно не навредит, да и он сам не чувствовал отравы.

Его императорское величество устроился в кресле, плеснул себе компоту, яблочного с клюквой, до которого весьма охоч был, пусть и являлся сей компот питием обыкновенным, лишенным всякого изящества, и велел:

– Говори уже...

Лешек ущипнул себя за ухо и вздохнул, ибо разговор предстоял непростой:

– Папенька... Я вот как-то никогда и не спрашивал особо, как получилось, что ты, гм, как бы это выразиться, в императоры вышел... Но теперь... Ты же читал Митькины доклады?

Читал, тут и думать нечего.

Его императорское величество мог притворяться болезным, однако чтобы вот так взять и на самом деле пустить дела самотеком, тем паче такие, которые большою кровью грозятся, невозможно это. А значит, слышал.

И думал. И додумался наверняка до того, до чего и Лешек.

Вон отвечать не спешит, крутит в пальцах кубок резной, губу покусывает, думает, стало быть.

– Родственничек, значит... – произнес император презадумчиво. – А сходи-ка в кабинету, там альбом стоит... знаешь где.

Лешек знал.

Альбом, обтянутый черною кожей, украшенный тиснением, стоял на обычном своем месте. В руки он дался, но упреждающе кольнул иглою силы, мол, не шали. Весил альбом изрядно и толщины был немалой.

Батюшка, впрочем, принял его с легкостью.

Провел ладонью по гладкой коже, коснулся кованых уголков, откинул застежку и велел:
– Садись...

Первый снимок Лешеку был знаком. Он стоял на батюшкином столе промеж прочих, выделяясь из них какой-то особой невзрачностью.

– Папенька мой. И матушка. – Снимок был темным, почти выцветшим, и потому лица и покойного императора, и супруги его казались размытыми. – Тогда только-только начали дагеротипические карточки делать, но получалось худо. Помнится, батюшка сказывал, что они час позировали. Хотя если живописцам, то порой и поболее выходило.

Темные пальцы погладили изображение.

– Я копию заказал, уже когда магики научились создавать. Оригинал сгинул. Папеньку моего Господь щедро наградил детьми... Мой старший брат Николай.

На снимке был пухлый мальчонка в матросской рубашке, который ничем-то не напоминал императора. Впрочем, вот и другой, с которого на Лешека взирает надменный юноша в гусарском доломане. Он хорош собой и знает это.

– Его растили наследником, что, впрочем, не смогло изменить характера. Николаша был мягким человеком, доверчивым и полагающим, что Господь всегда заступится за невинных. Не заступился.

– Впрочем, иногда он становился удивительно упрям. Как правило, в крайне неподходящие для того моменты... – батюшка усмехнулся. – Алиса... Они встретились случайно, и с первой же этой встречи ощутили изрядное родство душ. Хотя, помнится, родители не слишком обрадовались.

Прошлое открывалось.

Великая императрица была полновата, строга с виду и... неприятна? Пожалуй. Этой вот строгостью, а еще манерой своею поджимать губы, будто бы заранее не одобряла она все, чему становилась свидетельницей.

– Он изводил матушку просьбами. Да и не только он. Алиса... я не скажу, что она была дурной партией. Ее родство с бриттской королевой давало надежду, что мы разрешим некоторые конфликты в южных морях. Нас влекли колонии, а еще многие полагали, что этот брак объединит две державы. Впрочем, наши целители предупреждали, что в роду юной принцессы имелись неприятные случаи... нездоровья. И родители склонны были ему верить. Они до последнего выступали против этого брака, но Николай, повторюсь, умел проявлять упрямство.

И женился-таки на своей Аликс.

Правда, брак этот не принес ожидаемых преференций.

– Я не знаю, была она плохой императрицей или хорошей. С матушкой они не больно ладили, но матушка моя имела довольно властную натуру, она не могла терпеть, когда кто-то перечил ей. Аликс же обладала неуступчивым характером. Она все делала по-своему. И за это ее невзлюбили.

Настолько, что нелюбовь эта выплеснулась в революцию? И сейчас история повторяется? Или же ее повторяют.

– Она родила моему брату пять дочерей и сына. К сожалению, мальчик изначально был нездоров, как того и опасались. Я знаю, что Затокин не единожды навлекал на себя гнев моего брата, когда осмеливался откровенно говорить, что мальчик не доживет до восемнадцати, а если и так, то здорового потомства он не оставит. Мой несчастный племянник был милым ребенком...

Нынешний снимок качества лучшего, и Лешек разглядывает худого мальчонку, окруженного сестрами. Белые платья их лишь подчеркивают болезненную бледность наследника. И глядит он прямо, серьезно, будто желая что-то сказать.

– При нем неотлучно находились целители, однако с возрастом сил требовалось больше, а травы, сгущающие кровь, не помогали. Затокин настаивал, чтобы наследником объявили

кого-то иного. Он говорил, что мальчику нужны покой и тишина, что не стоит его мучить, но нужно лишь дать возможность прожить отведенный Господом срок достойно. Как понимаешь, мой брат не готов был принять это. И дважды отсылал Затокина, впрочем, возвращал вновь, поскольку Одовецкая не желала оставаться при дворе, а иных целителей подобного уровня не было...

Одовецкая? Та самая?

И отец кивает:

– Они всегда стояли на страже нашего здоровья. К слову, Затокин был ее мужем, но брак их закончился разводом. Помнится, в свое время изрядный скандал вышел, когда суд отказался отдать ей ребенка... – Отец замолчал и тряхнул головой. – Не все наши законы справедливы. С другой стороны, каким бы дрянным человеком Затокин ни был, даром Господь его не обделил, равно как и умением и честолюбием. Мы с братом по-разному относились к этому человеку, а поскольку императором был Николай, то... Затокин служил при дворе, заведовал лечебницей, которую основала Аликс, и вел исследования...

– Какие?

Снимка почтеннейшего целителя, который предпочел умереть, но не оставить подопечного, в альбоме не было, и Лешек дал себе зарок, что всенепременно поинтересуется у княгини.

– Да не буду врать, точно не знаю – меня в те годы здесь не было. То ли мор, то ли еще какая-то зараза... Хотел найти способ остановить ее. Знаешь, как бритты от оспы спасаются? Вот что-то в этом духе. К сожалению, уцелели лишь обрывки...

Мор? Интересно...

– Когда моего несчастного брата привели к отречению, он не пожелал все же покинуть страну, хотя возможность такая была. Он полагал, что трон перейдет к Алексею, при котором назначат регента, возможно Мишку, которому доверял всецело...

Однако вышло иначе.

– Я знаю, ему предлагали бежать. А если он не желает, то вывезти хотя бы Аликс с девочками, но она пожелала остаться подле мужа, а девочки...

Пять царевен, старшей из которых уже подыскивали супруга, а младшая только-только выросла из детских платьев.

– Никто не верил, что их действительно убьют. Николашу – возможно, но он мужчина, он знал, чем чреваты подобные ошибки, однако чтобы всех... Я их нашел, Лешек, всех нашел, кто был в том доме, кто...

Отец замолчал и потер шею, которую обвивала темная вязь наколки.

– Мог кто-нибудь выжить? – тихо спросил Лешек.

А отец, подумав, ответил:

– Не знаю... впрочем... – он прикрыл глаза, а ладонью накрыл снимок, будто желая спрятаться от мертвецов. – Когда я лишь принял корону, мне писали время от времени люди, клялись, что они помогли бежать. Появлялись даже девушки. Одна выдавала себя за Настеньку, другую пытались выставить Татьяной...

– И?

– Кровь не так уж сложно проверить. Особенно нашу кровь, – его императорское величество покачал головой. – Те люди были не слишком умны. Однако я не исключаю саму возможность. Но даже если представить, что кому-то из них удалось спастись...

Кому?

Не наследнику, который нуждался в постоянной опеке целителей. Он бы не ушел далеко, и это понимали прекрасно. Тогда...

Ольга? Татьяна? Хохотушка Машенька? Или Анастасия?

Почему одна? И куда она подевалась? Ладно Смута, которая заставляла прятаться, но потом, после? Стоило бы объявиться и... Подтвердить кровное родство несложно, и великой княжне нашлось бы место в Арсиноре, достойное ее происхождения.

Почему же?.. Не поверила? Испугалась, что, не желая делиться властью, отец избавится от племянницы? Или...

– Георгий... – отец перевернул тяжелый лист. – Он всегда был самым ярким из нас.

Смуглый и темноглазый, выглядевший немного иным, не похожим на прочих царевичей, Георгий смотрел строго, и вместе с тем строгость эта казалась притворством.

– Из него получился бы куда как лучший император, нежели из Николая, и даже Николаша признавал это, но ему было пятнадцать, когда Жора заболел. Никто сразу не понял, даже Затокин. Просто кашель, просто простуда... Оказалось – чахотка.

Отец поглаживал снимок.

А Лешек смотрел.

– Сперва ее удавалось сдерживать, даже появилась надежда, что еще немного, и она вовсе отступит. Порой у целителей получалось, однако здесь все пошло иначе. Она вернулась, и у него стали гнить кости. Мы только и могли, что избавить его от боли. Гоше пришлось покинуть Арсинор. Он жил у моря и, сказывали, в последние годы много пил, ко всему мешая выпивку с морфием. Не мне судить. Эту чахотку магия почти не брала. Одовецкая была при нем в последние годы, но и ее умения не хватило. Мой брат умер еще до Смуты. Однажды просто захлебнулся собственной кровью.

– Дети?

– Болезнь сделала его... неспособным к зачатию.

Еще лист. И снимок.

Трое братьев, похожих и в то же время разных. А рядом – еще один, на сей раз вполне знакомый.

– Мишенька... Пожалуй, и из него вышел бы лучший император, нежели из Николая. В этом и парадокс, Николай был самым... непригодным, но являлся наследником. Мишенька до последнего держался подле брата. Я знаю, ему не раз и не два предлагали корону, его готовы были поддержать многие, да и супруга его не прочь была бы, знаю, стать императрицей.

Отец отвлекся, чтобы перевернуть страницу.

Женщина была узколица, узколоба и откровенно некрасива, впрочем, что-то в неправильных чертах ее лица все же притягивало взгляд.

– Неприятнейшая особа, к слову. Вышла замуж за Мишеньку, еще не получив развода с первым своим супругом. Скандал с трудом удалось замять. Она никогда не скрывала, что желает власти. Но людям, как ни странно, нравилась. Ее салон быстро стал знаменит. Пожалуй, она была полной противоположностью Аликс. Яркая. Успешная. Эксцентричная. Она позволяла себе посмеиваться над Аликс. И не стеснялась распускать сплетни, что, впрочем, сложно доказать, но Николаша писал, что едва не разругался с Мишкой из-за этой... Аликс, как понимаешь, вовсе не горела желанием принимать Наталью Сергеевну, тем паче вводить ее в ближний круг. А влюбленный Мишенька не понимал, отчего его дорогую Натали игнорируют. Одно радует, детей у них не было. Когда все произошло, Мишеньку сослали в Пермь. А он, вместо того чтобы заявить о правах на престол, отправился туда... могилы до сих пор не нашли.

Женщина смотрела с вызовом. И...

– А она?

– Она? – отец задумался, и крепко. И вскоре вынужден был признать: – Убили Мишеньку и его секретаря. Брасова исчезла... честно говоря, думаю, ее тоже убили. Не тот у нее характер, чтобы держаться в стороне.

– Как ты сказал?

– Брасова. По первому супругу... Она сама из простых, но замуж вышла удачно. Оба раза. А еще она была достаточно умна, чтобы понимать, что ее здесь не любят. Пожалуй, у Мишеньки, будь он порешительней, имелись неплохие шансы. Но он полагал, что верность превыше всего. И пусть брат отрекся, но оставался Алексей, которого можно было бы короновать, а раз так, то собственные права свои Мишенька полагал недостаточными. Его убили прежде Николая, верно опасаясь, что, как только известие о расстреле дойдет до Мишеньки, он не станет более притворяться покорным.

Еще снимок. Вновь старый и смутный...

– Мой дядя, кузены, великая княжна – она была в немалых годах и нравом отличалась на редкость неуступчивым. У них у всех был шанс уехать, но никто и не думал, что все так повернется. Смуту полагали временной. Как же, война, которая тянулась столько лет, народ устал, вот и бунтует, но на всяких бунтовщиков войска сыщутся, и надо лишь погодить.

Пожилая женщина, чьи черты лица кажутся смутно знакомыми. И мужчина в старого кроя платье, рядом с ним – мальчик. И снова мужчина, но другой.

Незнакомые чужие люди, которые могли бы быть родней.

– Их убили в Алапаевске, якобы неизвестная банда. Охрану расстреляли, а их увезли. После смутьяны объявили о побеге...

И снова снимки.

– Арсинор... расстреляли прилюдно, о чем и написали в газетах...

И еще один.

Кровь, кровь и снова кровь... Их вырезали, всех тех, кто был связан друг с другом незримыми узами родственной силы. Вырезали, не понимая, что пролитая кровь взывает к отмщению, а сила пробуждается, готовая выплеснуться.

И выплеснулась. Пролетела по людям, изменяя их, побуждая лить еще больше крови.

Лешек закрыл глаза и велел себе успокоиться. Тот, кого он ищет, где-то здесь, он сокрыт за снимками.

– У них детей быть не могло, во всяком случае, известных и признанных... – отец закрыл альбом и провел руками по лицу. – Мне повезло. Я не знаю, что делал бы, если бы остался здесь. Но я уродился на редкость слабым, больным, и никто из целителей не давал мне и года жизни... кроме Одовецкой.

– Той самой?

– Княгиня у нас одна, Лешек. Как тебе ее внучка?

– Пугает.

– Чем?

– Меня целители вообще пугают, – признался Лешек. – Есть в них что-то этакое... жуткое до невозможности. Вот, бывало, глядят, и думаешь, то ли они лечить тебя хотят, то ли вскрывать...

– Твоя правда. Значит, не глянулась.

Лешек вздохнул.

Молодая Одовецкая пахла морской солью и еще сталью, а железо... оно было в камне, но все одно было чуждым камню.

– Она тогда не была столь известна. Разве что скандальным разводом, после которого от нее отреклась собственная семья. Кажется, некоторое время она жила при монастыре, а после уж ее пригласили и на меня глянуть. Мне повезло...

Отец замолчал, впрочем, ненадолго.

– С позволения матушки Одовецкая увезла меня к морю. И не знаю, что она сделала... знаю, стоило это ей немало, потому как не бывает бесплатных чудес, но я выжил. И прожил этот клятый год, а потом еще один и еще... до пятнадцати лет я жил, как будто каждый день мой был последним. И сам понимаешь, что хотя матушка меня и навещала, но никто, даже она, всерьез

не рассчитывал, что я не только выживу, но и когда-нибудь примерю корону. Да, меня учили. Грамоте и счету, языкам немного и прочей малости, без которой и вовсе не возможно обойтись. А в остальном я был представлен сам себе. И не скажу, чтобы сие меня сильно расстраивало.

Глава 5

Он помнил берег моря. Песчаную косу, которая вытянулась, раскинулась, подставляя белесый бок ветрам. Помнил само море, когда синее, когда сизое, порой спокойное, ластящееся. Бывало, подберется к самым ногам, лизнет кожу и отступит играючи, маня за собой. А после брызнет соленой искрой и покатится, покатится, слизывая и песок, и ветки.

Море приносило дары.

Пустые раковины, куски досок и однажды даже бутылку, про которую цесаревич Александр сочинил целую историю. В ней было место пиратам, сокровищам и храброму юнге...

О море он читал.

И слушал напевы его, часы проводя на берегу. И никто из челяди, которой полон был маленький их домик, не пытался помешать цесаревичу. Разве что Одовецкая имела обыкновенные выходить с книгою. Она садилась в плетеное кресло, поправляла шляпку, открывала книгу и делала вид, будто читает.

– О чем ты думаешь? – спросила она как-то, когда читать надоело. А может, дело было не в книге, но в письме, заставившем Одовецкую морщиться, будто бы у нее болело что-то. Письмо цесаревич видел, и то, как Одовецкая его читала... И гримаса ее ему не понравилась.

– О море. Что за его краем? – цесаревич бросил камушек, и тот ушел в воду, вместо того чтобы прыгать.

– Смотря за каким краем.

Одовецкую он, мальчишка диковатый и, по мнению многих, чересчур уж разбалованный волей, пожалуй, любил. Она никогда не пыталась занудствовать, как его учителя. Не охала и не ахала, как престарелая кормилица, не говорила, что он мал еще и чего-то там не понимает.

К титулу, о котором, справедливости ради, вспоминали не так уж и часто, она тоже не взывала.

– Хочешь, я принесу тебе книгу?

– Хочу.

И на следующий день они читали вдвоем. Только Одовецкая в своем кресле, а Александр – сидя на земле. Книга была о дальних землях и людях удивительных, что на тех землях жили.

– Понравилась? – спросила княгиня, когда он закрыл книгу.

И цесаревич кивнул. А после добавил:

– Жаль, я никогда не увижу их...

– Почему?

– Потому что я болен и умру.

– Кто тебе сказал? – спросила она.

– Все говорят. Когда думают, что я не слышу. Я не глупый, я все понимаю. У меня большое сердце, и оно не излечится.

Она посмотрела внимательно, кивнула себе, собственным каким-то мыслям, и сказала так:

– Верно. Ты родился с больным сердцем. И живешь с ним. Бывает, что младенцы появляются на свет раньше положенного срока, и, само собой, это не может остаться вовсе без последствий. Однако младенцы растут. Наш организм способен на многое, нужно лишь дать ему время.

Тогда он мало что понял, а Одовецкая усмехнулась и продолжила:

– Вспомни... не так давно тебе тяжело было ходить. Ты быстро уставал. И эта привычка сидеть возникла потому, что, когда ты добирался до берега, на большее у тебя не оставалось

сил. Ты садился, и мы отдыхали. Ты больше не устаешь, во всяком случае, не так сильно, но привычка осталась.

– И я... не умру?

Не то чтобы смерть пугала. Александр слабо представлял себе, что это такое, просто все вокруг шептались, глядели с жалостью, и даже фон Гроттер, старый учитель арифметики, стоило сослаться на здоровье, смягчался, но...

– Когда-нибудь умрешь, – Одовецкая поднялась. – Однако надеюсь, что случится это еще не скоро. Я уже говорила твоей матушке, что в моем здесь присутствии особой нужды нет. Твое сердце работает нормально, возможно, физически ты слабее сверстников, выглядишь много моложе и росту невысокого...

Это звучало обидно.

– Но все это поправимо. Правильное питание и умеренная физическая активность помогут...

Он запомнил.

И начал бегать по утрам. К косе и обратно. Нянюшки всполошились, а учителя единым фронтом выступили против Одовецкой, требуя прекратить это такое безобразие. Но княгиня лишь усмехнулась:

– Не делайте ребенка более больным, чем он есть...

Потом был матушкин приезд. И отец, который разглядывал Александра с некоторым, как показалось, удивлением.

Возвращение в Арсино, показавшийся сперва волшебным, а после душным...

Ваше императорское высочество, так не подобает... Нельзя. Невместно. Никак не возможно.

Сети запретов, уложений и правил, в которых Александр задыхался. И боли, вернувшись в друг. И Одовецкая, сделавшаяся мрачной.

– Вы уж решите, вам сын живым нужен или титулованным, – бросила она кому-то.

И море вернулось.

А с ним наставники, другие, более требовательные, но и... способные. И Александру понравилось учиться, однако о море он не забывал, и как только представилась возможность...

Ему не мешали.

То ли из опасений, что болезнь вернется, то ли просто привыкли, что он делает чего душа пожелает. Главное, что «Быстрый» с достоинством принял молодого офицера Александра Дышина.

Он увидел и край моря, и земли, и людей, эти земли населяющих. Он нырял в горячее море, касался теплого дна и каменных цветов, в которых прятались удивительные рыбы. Он плывал с акулами и заглядывался на касаток.

Чувствовал под ногами палубу китобоя. Выходил на сизые льды.

Море помнило. Хранило. И отпустило, когда пришло время.

– Я не сразу-то узнал, про Смуту-то... мы аккурат в Яшмовом заливе зимовали, ждали, когда по северу навигация откроется. Там-то тишина мертвая. После уж прошли проливом Ветров, выбрались по весне к Марсану. А тут новости... революция в Арсийской империи. Бунты. Низложение государя, – отец поднялся и, подойдя к окну, остановился подле него. Оперся могучими руками на подоконник, и показалось, что тот затрещит, прогнется, не выдержав весу монаршего. – Следом и о расстреле. Я поверить не мог долго, что оно так вышло, что Николаша допустил...

Его императорское величество стиснул кулак.

– Само собой, я велел собираться, благо были люди, знавшие, кто я. Да и бритты крепко перепугались. Одно дело – Смута, кого она обошла, а другое – революция, небось у них на

островах тоже далеко не все довольны. Помогли перебраться через Капское море, пристать в Гармне... Там дальше уже проще. Связаться с нужными людьми, сложнее всего было убедить Вышняту, что я и вправду нашей крови. Нет, он знал, что цесаревич Александр не помер, как многие говорили, но вот знать – одно, а знакомым быть – другое. Ничего, сговорились, а там уже...

Война.

Долгая и кровавая, захватившая весь и без того ослабленный край. Она прокатилась, пронеслась железным зверем, разоряя земли. И длилась, длилась, и не было ей ни конца ни края. Гуляла казачья вольница, перекидываясь от законного императора к смутьянам и обратно. Пользуясь тем, что власть ныне у оружных, грабила и мучила.

Не дальше ушли разбойничьи ватаги.

Иные стянулись, объединили одичавших людей, движимых одним лишь желанием – убивать всех.

Ярились смутьяны, силой устанавливая власть свою.

Да и императорские войска отнюдь не всегда могли позволить себе такую щедрость, как милосердие.

– А потому я долго ждал. Я отправил людей раскопать могилу брата... Правда, – щека у императора дернулась, – они сожгли тела, а потому мало что уцелело. Я не буду лгать, что узнал... и да, верно, могло случиться чудо, и расстреляли не Николашу, но... кого тогда? И куда подевался он? Девочки? Нет, я ждал. Я искал. Я надеялся найти хоть кого-нибудь... Сам понимаешь, без наследников династия слаба, а искушение устроить новую смуту велико.

Лешек кивнул:

– Значит...

– Я не говорю, что невозможно... я все ж так и не решился задать вопрос Книге. Хотел, верно, но столько крови было пролито, что я просто-напросто не смог еще, собственными руками... Ждал. Платил магам. Искал. Но впустую. Сейчас вот думаю, что стоило поговорить с теми, кто был при цесаревнах. И говорить не мне. Сам понимаешь, я все ж не тот человек, с которым стали бы обсуждать дела сердечные.

– Сердечные? – Лешек нахмурился. Вот только дел сердечных стародавних ему для полного счастья не хватало.

– А сам подумай, если бы спаслись все, незамеченным оно бы не осталось. Да и пятерых удержать от глупостей куда как сложнее, нежели кого одного...

Лешек, подумавши, вынужден был признать правоту отца.

И вправду... с одним человеком сладить проще. И увезти куда, и укрыть, и после...

– Да и почему она не объявилась? Я, конечно, не был частым гостем при дворе, но девочки меня знали, не стали бы опасаться. Значит, дело не во мне... – Александр отступил от окна, развернулся, заложив руки за спину, и прошелся вдоль стены. На ней, отделанной темно-зеленой тканью, висели абордажные морские сабли, пара кистеней и даже шерстопер, которому скорее место было бы в оружейной, нежели в царевом приемном кабинете. – Дело в собственном ее нежелании. А отчего оно могло возникнуть? На что женщина поменяет и долг свой, и права, и саму свою жизнь? Только на любовь. Девочки... они были очень романтичными.

– И ты думаешь...

– Ольга, – император остановился напротив кирасы, начищенной до блеску. Поставленная на высокий постамент, она вполне сочеталась с батальным полотном. – Она никогда не скрывала желания выйти замуж по любви. Не раз и не два просила маменьку о свободе. Настенька была слишком юной, Татьяна – чересчур привязана к родителям. Машенька же была неотделима от дворцовой жизни. Балы, украшения... Она часами могла перебирать ткани, выискивая, что бы подошло для нового ее наряда. А вот службу в госпитале терпеть не могла, хотя и не перечила Аликс. Ольга же... она как раз прониклась идеями не то чтобы сразу равен-

ства, все ж чересчур несколько. Скорее уж она держалась с простыми людьми просто. Она сумела бы выжить вне дворца. Вне двора, к тому же старшая. Пусть не все, но знала она многое.

А знания вполне могла передать сыну. Или дочери.

– Еще меня беспокоит Брасова. Все ж таки теперь я начинаю думать, что исчезновение ее вовсе не случайно. Могла ли она забеременеть от Мишеньки? До того у нее не получалось, несмотря на все старания, однако она отличалась завидным упорством. Была довольно умна. И полагаю, достаточно нагла, чтобы претендовать на трон, но притом осторожна. Она понимала, что если покажется, если даст заподозрить, то я не оставил бы ей дитя. Не с ее амбициями, не с ее характером.

– Ты...

Отец укоризненно покачал головой: мол, за кого ты родного батюшку принимаешь.

– Я бы позаботился, чтобы мой племянник ни в чем не знал нужды. Да видит Бог, я был бы премного рад, если бы он появился. Слишком мы слабы теперь, чтобы разбрасываться родной кровью.

Вот только кровь эта, похоже, думает иначе.

– А знания? – Лешек перевернул страницу и уставился на женщину с некрасивым лицом. Что в ней было такого, что заставило цесаревича, второго после наследника претендента на трон, лишиться разума, связав себя узами брака с особой столь сомнительного происхождения, а достоинств и вовсе невеликих?

Умна?

По снимку не скажешь. Но будь и вправду умна, неужели бы стала дразнить императрицу? Или расчет был на то, что после отречения Николая трон предложат его брату? Возможно такое?

Вполне.

И тогда она с удовольствием помогла заговорщикам, только не рассчитала.

Но все же...

Крючковатый нос. Глаза близко посажены. Брови редкие и лоб узкий, пусть и высоким глядится. В бусинах глаз видится раздражение, а тонкие губы кривятся в подобии улыбки.

Менталист?

Но неужели кровь не защитила бы дядюшку? Или? Надобно все же наведаться в архивы, полистать родовые книги, посмотреть, кем была по крови эта женщина. А то, мнится, что-то многого Лешек не знает о старой крови и не менее старой силе.

– Знания... – батюшка постучал пальцем по щеке. – Тут-то, конечно, вопрос... Но видишь ли, Мишенька шел вторым за Николаем, и его тоже учили. На всякий случай. Это я был бестолочью и покойником, почитай, живым... Нет, Мишенька знал куда больше меня. А вот что он открыл ей, того не ведаю...

– А он мог?

– Почему бы нет? Она жена венчанная, хотя и... Маменька до последнего была против, потому и венчались они тайно, а это само по себе говорит о многом. Мишенька всегда был послушным сыном, но, поди ж ты, взбунтовался. И после разводиться отказался наотрез. Любил он ее крепко, а любовь слепа...

Еще глуха и хрома на обе ноги.

И вот на кой Лешеку этакое-то счастье?

Глава 6

Лизавета маялась.

Душа требовала немедля отправиться к князю, убедиться, что он если и не здоров всецело, то всяко здоровей вчерашнего, а вот разум подсказывал, что нужды в том нет. Небошь его уже и целители окружили, и слуги, и... и какое право имеет она, девица весьма сомнительная, явно оказавшаяся при дворе по случайности, вопросы задавать.

Погонят еще.

Или, что хуже – гнали ее много откудова, этого Лизавета не боялась, – сам он глянет с прищуром да и поинтересуется преехидненько:

– А чего это вы, девица Гнёздина, в чужих покоях забыли? Не иначе как репутацию свою подпорченную.

Вот тут-то Лизавета и не выдержит.

Нет, топиться она не пойдет, благо местный пруд, преизящный в правильных своих формах, для утоплений годился мало, но вот страдать будет не чета прежнему.

У пруда Лизавета и остановилась, глядя в полупрозрачную воду его, в толще которой сновали упитанные рыбины. Были они яркими, серебристыми, золотистыми и вовсе алыми – вправду, маги тут хорошие работают – и двигались неторопливо, степенно, словно бы осознавая собственную исключительность.

– А, Лизок, – этот голос заставил вздрогнуть и ухватиться за зонтик.

Зонтики, к слову, всем выдали вместе с нарядами, и если те хоть как-то отличались, то зонтики были совершенно одинаковыми – изящными, кружевными и до жути неудобными.

– Страдаешь? – осведомился Освирцев, перебираясь через низенький кустик лапчатки. И ведь едва не поломал, медведь этакий. А главное, чего ему тут понадобилось?

– Нет.

– А говорят, страдаешь.

– Кто говорит, плюнь ему в рожу, – посоветовала Лизавета и зонтик сложила, взвесила в руке, принаравливаясь. А что, слабой женщине и зонт оружие. Не то чтобы она ожидала от Гришки какой пакости, хотя... вон глазки поблескивают, щеки разругались и разит от него. Как в таком виде Освирцева вовсе пустили? – Что ты здесь делаешь?

– Конкурс освещаю, – он отряхнул брюки, пиджачишко однобортный поправил. Шейный платок с крупной булавкой тронул. – Слыхала, что на балу победительницу и объявят?

– Нет.

– А еще цесаревич наш, дурачок блаженный, ей руку и сердце поднесет.

– На блюде?

– На каком блюде? – моргнул Гришка недоуменно.

– На серебряном, мыслю. Или на золотом. На медном как-то цесаревичу невместно сердце носить.

– Все-то ты шутишь, все-то скалишься, – он сделал шагок, а Лизавета зонт подняла, упреждая. И захихикал. – Шутница ты, Лизавета... Правда, мужчины на таких не женятся. Жена должна быть спокойною, тихой, незлобливой...

– Кому должна?

Вот что-то разговор этот совсем не клеился, и Лизавета поглядела по сторонам. Пусто. Ишь ты, загулялась она. А ведь почти все красавицы в парке остались. Правда, парк дворцовый таков, что в нем целый эскадрон красавиц растворится без остатку.

– Скажи, – Гришка облизнул мясистые губы, – а верно ли бают, что ты, Лизавета, покровителя нашла?

– Какого?

– Так откуда я знаю? Тайного. Иначе б ты в жизни до финалу не добралась. Небось девиц куда как посимпатичней отослали, а ты держишься... Так как оно?

– Отлично, – Лизавета взялась за зонт обеими руками. Так оно сподручней, если бить придется. Зонта, конечно, жаль, но себя куда как жальче. А этот ирод знай скалится и подступает, к воде тесня.

Рыбины в пруду засуетились.

– А если я тебе скажу, что скоро твой покровитель без головы останется?

Пьян.

И не только пьян. Вон лицо бледное, а глаза темные, зрачки расплзлись, и кажется, Гришка плохо понимает, где он и что творит.

– Это почему же?

– А потому, что затевается... интересное... я чую, Лизок...

Он руку выкинул, норовя Лизавету ухватить, но ныне, нетрезвый и не в своем уме пребывающий, был медлителен и неуклюж. Она с легкостью ускользнула и уже сама зашла за спину, ткнула зонтом.

– Чего творишь! – взвизгнул Гришка, едва на ногах удержавшись.

– Так что затевается-то? – Лизавета перевела разговор на другую тему.

– Ш-шалишь... затевается... откуда мне знать? Только Соломончик давеча из городу отбыл вместе с семейством... приболел он... ага, как же... иродово племя... они что крысы, при малейшем волнении готовы сбежать. Ничего, пусть бегут. Газетенка его никчемушная скоро с молотка пойдет... будет знать, как людям правильным перечить. А ты иди сюда, потаскуха!

Он прыгнул, но Лизавета вновь увернулась и, оказавшись вдруг за спиной Освирцева, от души огрела его зонтом. А тот, к радости немалой, оказался крепким, столкновение выдержал и, более того, даже не хрустнул. В отличие от Гришки, который аккурат хрустнул и, покачнувшись, растянулся на пыльной траве.

И вот чего с ним делать-то?

А с другой стороны, речи крамольные вел? В заговоре почти сознался? Вот пускай его и допрашивают. Правда... Лизавета прикинула, что до дворца она этого героя не дотащит, а бросать его тут – еще очнется, сбежит... разве что... поясок у платья имелся, а узлы вязать она в детстве научилась изрядные.

Так что долежит.

Архивы при дворце имелись, и преобширнейшие: и Морской, и Военный, и даже Дворянский, занимавший без малого отдельное здание. Хранились там не только родовые книги, копии грамот жаловальных да карт земельных, благодаря коим многие споры разрешались малою кровью, но и личные письма, и дневники, и многое иное, не всегда пригодного для оглашения свойства.

Имелся, впрочем, и еще один архив, расположившийся в подземельях, благо было там сухо и прохладно, аккурат то, что бумагам для сохранности и надобно. Укрытый от глаз досужих, защищенный завесой хитрых проклятий, был он доступен лишь тем, в ком текла известная кровь. А уж хранил не только бумаги. Впрочем, ныне Лешека меньше всего интересовали что регалии царские – венец Мономахов поблескивал рубинами, манил, – что артефакты древние.

Бумаги.

Книги родовые, казавшиеся на первый взгляд копией тех, иных, хранившихся в открытом архиве. Да только...

Пожелтевшие листы были хрупки, невзирая на пропитавшую их магию.

Имена.

И вновь имена...

Девушка из рода... сочеталась браком с... третьего дня арсепня месяца... Господь благословил... первое дитя... четвертое в роду, ибо у отца имелось трое бастардов мужского рода, прижитых с санными девками и одной актрисой.

Книга была полна и, пожалуй, хранила изрядное количество чужих тайн.

Взять хотя бы род Вяземских, прервавшийся во время Смуты. Основная ветвь сгинула в революционных пожарах, но если вспомнить, что у Михаила Вяземского трое братьев имелось...

Двое стали смутьянами и конец свой нашли на поле брани, а вот младшенький пошел в магии и ныне себе поживал весьма неплохо, выбившись в профессора. Надо будет предложить ему титул, авось не откажется. Лешек понадобятся верные люди.

Или вот Ястрежемские, сановитые, но малочисленные. Ныне от рода осталась престарелая тетушка, предпочитавшая время проводить в молитвах, нежели при дворе. Правда, сказывали, что сие происходило не от богомольности, а исключительно в силу на редкость неуживчивого характера. Компаньонки и те от старухи сбегали. Обрадуется ли она, узнав, что у братца ее была связь с одной особой не самых великих чинов и что особа та родила двоих детей, которые...

Не обрадуется.

Но и роду исчезнуть не позволит.

Ах, многое хранилось на желтых страницах. И теперь Лешек переворачивал их, прислушиваясь к отклику. Книга сама писала историю древних родов, связанных с нею узами крови, и узы эти было не разорвать, не ослабить даже. Магия, темная, не самого доброго свойства, еще работала.

Впрочем, к Книге давно не обращались, не поили кровью, а потому спала она, и Лешек мутило от мысли, чего будет стоить ее пробуждение.

Оставить бы, как оно есть.

Уйти.

И самим искать. Это ведь просто, надобно внимательней быть. Войска начеку, магии упрямлены. Бунту не позволят случиться, и если так, то рано или поздно, но отыщут они смутьяна.

Рано. Или поздно.

Книга шелестела мертвыми страницами, и все-то до одной были заполнены. Она словно красовалась, чуя близость того, кто мог призвать ее к ответу. Ну же, цесаревич, неужто не осмелишься? Ведь пришел же, а значит, есть вопросы. И ответы найдутся, они хранятся тут, протянулись, застряли в сети крови, попробуй-ка вытащи. Если хватит духу.

Страницы развернулись.

А вот и первое древо.

Некогда могучее, но многие имена в кроне его поблекли. Лешек положил ладони на темную хрупкую кожу. Закрыв глаза. Вдохнул. И неровные буквы задрожали, поползли, словно мурашки, по стволу... Имена? Нужны новые имена? Будут.

Только куда им стать-то? Небось тесно стало, все страницы исписаны, а новых... ты ведь все принес, цесаревич? Ты ведь знаешь, что делать?

Лешек знал, но...

Он ведь надеялся управиться и без того, однако Книга пила его силу, и только. Разве что чернила чуть потемнели.

Не выйдет.

Он оторвал руки и оперся ими, дрожащими, о столешницу. Огляделся. Сплюнул под ноги, благо пол земляной и не такое выдержит.

Взял...

Троих хватит?

Из городской тюрьмы. Душегубы, которых петля ждала за дела былые... петля – это честно, но Лешеку нужны ответы. И не только ему.

Можно ли откупиться от Смуты малой жертвой? И не будет ли та напрасною?

И не потому ли отец так и не набрался духу спросить? Книгу оживляли в последний раз еще тогда, во время Смуты, и делали это грубо, взламывая запоры кровью. О том, сколько тогда пролилось, Лешек старался не думать.

Ястрежемской он про племянников скажет.

А пока...

Их было трое.

Первый – огромный, вида, как и подобает, самого разбойничьего. Смуглокож. Расписан шрамами и наколками, по которым можно прочесть всю историю его жизни.

Насильник. Убийца.

На руках его крови немало, впрочем скоро и на Лешекowych появится. Он потянул за цепь, и замороченная жертва сама шагнула в круг.

Сама улеглась.

Сама руки раскинула, позволяя закрепить себя заговоренными цепями. И только тогда Лешек снял с груди его амулет. Душегуб очнулся.

Моргнул.

И...

– Ур-рою, – просипел. Горло его было перебито, но срослось, и способность говорить он сохранил, пусть голос сделался низким, неровным. Он дернул цепи, ибо выглядели те тонкими, несерьезными, и подался вперед, налегая всей тяжестью тела, пытаясь разорвать. Но колечки лишь зазвенели.

А в блеклых глазах появилось недоумение.

Лешек вздохнул и развернул грамотку. Приговор удалось зачитать ровно, хотя Лешек до последнего в себе сомневался.

Все равно бы казнили.

Все равно...

Он завыл, этот негодный человечешка, который сам не щадил других. И ведь не просто убивал. Купца Смержицкого запытал до смерти, а после и супругу его, чего с дочерьми утворил...

Тут он выл и дергался, пока Лешек рисовал ножом на коже знаки.

И заскулил, когда удалось снять первый пласт кожи.

Книга приняла его с благодарностью. Вспыхнули буквы, налились алым, поползли живо, обмениваясь друг с другом новостью: пришло время...

Лешек снял новый пласт кожи. И еще один. Он слушал крики, хотя и взял с собою затычки для ушей, но использовать их было как-то... неудобно, что ли. А потому Лешек всецело сосредоточился на деле.

Умирал Сиплый долго.

И покаяться успел.

Только грехи его искупить было некому. А Книга напилась крови, правда, не настолько, чтобы утолить вечную свою жажду.

Со следующим получилось быстрее. А вот третий оказался слабеньким, и Лешеку пришлось поддерживать жизнь в изуродованном его теле.

Книга толстела.

Она принимала новые страницы, сама встраивая их в хитросплетения старых. И удивительное дело, не становилась толще, зато Лешек сполна ощутил и страх, и отчаяние, и боль... И сам почувствовал себя освеженным. И наверное, так было надо, но когда все закончилось, он раскрыл страницы и велел:

– Покажи.

А она подчинилась.

Человек с завитыми, уложенными на пробор волосами стоял над телом. В одной руке он держал луковку серебряных часов, в другой – тросточку с рукоятью в виде гусиной головы и вид имел пресерьезный.

– Значит, утверждаете, что он был жив? – поинтересовался он у Лизаветы, не скрывая, впрочем, своего недоверия.

– Утверждаю, – мрачно заметила Лизавета.

И Таровицкая ободряюще похлопала ее по руке. А Одовецкая подошла к телу.

– Не прикасаться! – велел человек с завитыми волосами. Впрочем, грозный оклик на Одовецкую впечатления не произвел. Она положила ладонь на грудь мертвеца и прислушалась.

– Отрава.

– Вы чините препятствия следствию!

– Это какие? – Авдотья нахмурилась.

– Разные!

Человек обвел девиц настороженным взглядом, задержавшись на Снежке, которая закружилась, раскинув руки. Лицо ее сделалось задумчивым, мечтательным даже, а за плечами появилась тень лебяжьих крыльев.

– Ушла душа... улетела... ее позвали, она и улетела...

– Подите... – человек топнул ножкой, но впечатления сие не произвело, причем не только на девиц, но и на других людей, окруживших поляну. Те выглядели попроще и изо всех сил делали вид, что заняты исключительно поиском иных улик. – Куда-нибудь да подите...

– И вправду, Лизанька, идем, – сказала Таровицкая.

– Вы, а не она...

И вот тут Лизавета поняла, что влипла. Что не отпустит ее этот куделистый, чем-то похожий на пуделька человек, имени которого она не знает. Она вообще хотела князя позвать, но ей сказали, будто он болен и не принимает, зато нынешний типчик был здоров.

Ишь, бровями шевелил.

Лизавету взглядом сверлил. И тросточкой своей по ноге похлопывал.

– Она задержана.

– С чего это вдруг? – тон Таровицкой изменился.

– По подозрению в убийстве.

Лизавета закрыла глаза: вот только этого ей не хватало! А ведь он был жив. Однозначно жив. Лежал себе, правда, тихонько, но дышал. Лизавета его еще от пруда оттянула немного, чтобы, не приведи господи, не утоп, пока она гулять изволит.

– Вы белены объелись? – осведомилась Одовецкая. – Я же говорю, он умер от отравления сложным органическим ядом. В состав его входит проскура бледная, которая растет только...

– Не имеет значения, – человек злился и от злости начинал подпрыгивать на месте. – Вы вообще кто?

– Княжна Одовецкая.

– Княжна Таровицкая...

– А я просто Пружанская, – сказала Авдотья и добавила: – Папенька у меня в генералах, может, слышали? Не хотите послужить? Он говорит, что служба из любого идиота человека сделать способна.

Человек густо покраснел и оглянулся. Впрочем, собственные его люди сделали вид, будто не слышат и не видят.

– Вы...

– Мы понимаем, – мягко произнесла Дарья, появляясь из ниоткуда. И Лизавета вздрогнула. – Что у вас служба. И вы обязаны поступить согласно регламенту...

Голос ее был вкрадчив и мягок, Лизавета сама удивилась, как это не понимала она, что у человека и вправду служба, и регламент этот, от которого и на шаг отступить невозможно.

– И что выглядит ситуация преподозрительнейшим образом, – Дарья подступила ближе, оказавшись между Лизаветой и куделястым. – Имело место нападение на одну из конкурсанток. Девушка повела себя храбро, сумела дать отпор, скрутить изменника...

Куделястый слушал.

Кивал.

И подпрыгивать перестал.

– Однако пока она искала помощи, его убили. Наверняка сообщники. Вы же понимаете, что Лизаньке идти некуда, что она во дворце, под защитой ее императорского величества. И если вдруг случится вам ее задержать, то слухи пойдут... Нам же не нужно, чтобы слухи пошли?

– Ишь, морочит, – пробормотала Авдотья.

– Тем более что пострадает репутация императрицы. Стоит проявить благоразумие. Лизавета никуда не исчезнет. За это готовы поручиться столь достойные особы...

Достойные особы кивнули, а Снежка, спрятавши крылья, вид которых несколько смущал людей, добавила:

– Путь ее предопределен.

– Поэтому с вашей стороны будет весьма благоразумно предоставить Лизавете свободу, ограничив ее, скажем, пределами дворца... – Дарья очаровательно улыбнулась, а куделястый моргнул.

И кивнул. Нерешительно так.

– А вы в это время найдете истинных злодеев...

– А попытаетесь на Лизавету все спихнуть, я папеньке пожалуюсь, – проворчала Авдотья. – И он вам яйца оторвет...

Последнее замечание, пожалуй, было лишним.

Глава 7

В заключении Стрежницкому, пожалуй, нравилось. Стены тут были толстыми, окна – узкими, в такое и захочешь, не протиснешься. А главное, дверь имела железная, на четырех запорах. За дверью стояла охрана, впрочем, в нее Стрежницкий не больно-то верил.

Уже наохраняли.

А в остальном... тихо. Спокойно. Не жарко.

Камеры располагались в старой башне, которая была строена на совесть. И толстенные стены ее не пропускали летнюю жару. Были покои невелики, состояли из гостиной и спальни, к которой примыкал крохотный закуток. В закутке стояли лоханка, потемневший от возраста умывальник и шкафчик с ночной вазой. Что поделать, когда дворец реконструировали, на башне решили несколько сэкономить.

Стрежницкий поднялся – постель, стоило признать, тоже была не сказать чтобы мягка. Перины слежались, пуховые одеяла отсырели, а от простыней отчетливо пованивало плесенью. Но разве подобные мелочи могли испортить настроение?

Шепоток унялся.

А голова, конечно, болела, но не сказать чтоб так уж сильно. И целитель сказал, что рана рубцуется нормально, стало быть, воспаление и смерть в ближайшее время Стрежницкому не грозят. Он дошел по стеночке до двери, а там и в гостиную выбрался.

Опустился в кресло и ноги вытянул.

Надобно будет попросить, чтобы одежонки какой-никакой принесли, а то виданное ли дело – в одной рубахе сидеть. Вон пол леденющий, еще и сквозит.

И вид непотребный.

Меж тем засовы заскрипели, застонала дверь, впуская гостя, а Стрежницкий даже привстал, приветствуя оного.

– Отдыхать изволишь? – с некоторым недовольством поинтересовался князь, выглядевший так, что Стрежницкий язык себе прикусил, чтобы не посоветовать отдых в соседней же камере. Небось тут их хватает.

Князь огляделся. Поморщился.

И, упав в соседнее кресло, тросточку отставил и голову руками обхватил. Пожаловался:

– Болит.

– Выпить нет, – сочувственно ответил Стрежницкий.

– А помогает?

– Не-а... но на душе становится легче.

Князь осторожно кивнул.

– Где это вас? – Стрежницкий и сам бы выпил, к примеру воды, но треклятая слабость изрядно мешала.

– Да сходил в подземелья... неудачно.

– А...

– А ты, как погляжу, и на месте приключения находить умудряешься.

Стрежницкий виновато развел руками и пожаловался:

– Твой молодчик меня и слушать не захотел. Добре хоть, сюда упек, а то сперва хотел прямо в тюрьму. Теперь меня убийцей считать будут.

– Всенепременно будут, – пообещал князь Навойский, голову запрокидывая. – Пошто девицу застрелил, ирод?

– А пошто она меня пугала?

Суда Стрежницкий не боялся, да и вины за собой не чувствовал. Девицу было немного жаль, но сама виновата, небось ее никто в покои чужие волоком не волок да и внушать честному человеку всякие глупости не заставлял.

– Рассказывай, – велел князь.

Стрежницкий и рассказал. А что, ему не жаль.

– Я тут посижу, – сказал он в завершение. – Только пусть одежды принесут какой. И книг, а то без книг тут тоска смертная... и вообще... скоро это все закончится?

– Должно...

Князь раздумывал.

Небось тоже ломал голову, с какой такой напасти девице Стрежницкий понадобился и какое к этому отношение имеет покойная Марена. Оно ведь как, будь Стрежницкий ближником царевым, тут бы можно было использовать, но ведь он во дворе так, овца паршивая...

– Как закончится, – Стрежницкий лицо потрогал, – женюсь... найду какую небрезгливую. Или личину вот закажу себе. Думаешь, сделают?

– Думаю, лучше и вправду небрезгливую поищи.

Это-то верно, только где ее взять, такую, чтоб не брезгливая, не пужливая, да еще и характер его, Стрежницкого, препоганый выдержать способна была. Нет, лучше уж прикупить кого из бедных, благо денег у Стрежницкого имеется.

Он ей поместье. Наряды. Выезд, и драгоценности, и что там еще надобно для счастливой семейной жизни. А она Стрежницкому сыновей пару – матушке на радость и ему в утешение. Стрежницкий слышал, будто дети, если с уродством рядом живут, к нему привыкают легче, нежели взрослые. Глядишь, и не станут сыновья батьку родного чураться.

– Уеду...

– Хрен тебе, – князь Навойский кукиш скрутил и под нос самым неблагородным образом сунул. – А не уеду. У меня людей нормальных и без того немного. Будешь моим заместителем.

Стрежницкий несколько растерялся, но палец в дырку сунул и заметил:

– Мне, за между прочим, мозги прострелили.

– У тебя, за между прочим, они хотя бы изначально имелись.

Спорить с начальством было себе дороже. Но Димитрий, чувствуя внутреннее несогласие подчиненного, миролюбиво предложил:

– Покои во дворце выделим нормальные. И дом поблизости. Хочешь?

– У меня есть.

– Видел я, что у тебя есть, того и гляди рассыплется. Ладно, тогда реконструкцию за государственный счет. Только за реконструкторами следить сам станешь, чтоб все не разворовали.

На том и договорились.

Глазницу Стрежницкий почесал кончиком пальца и вздохнул: а девицу в невесты искать придется. Вот только где их ищут-то?

Покойная лежала в мертвецкой и была все так же мертва, как и накануне. За прошедшую ночь тело успело задеревенеть, а заодно уж раны почернели, сделавшись еще более уродливыми. Вот же...

Димитрий узнал Лужнину, которая происходила из рода весьма почтенного, но не древнего.

Впрочем, некогда состояли Лужнины в тесном родстве с Уложевичами, а те уж верной опорой трона считались. До того верной, что старший сын их, Игнат, взял да и погиб вместе с царским семейством, хотя уж его-то возле арестованных не держали.

Сам прилип.

И вот теперь не отпускала Димитрия мысль, что не просто так прилип. Он ведь магигом был, и не из последних, впрочем, как почти все приближенные, только если Затокин целительством занимался, то Уложевич – огневик. С огневиком из древнего рода сладить не так просто.

Мог ли он?.. Из любви, не иначе.

Только вот к кому? И что это за любовь, которой хватило лишь на одного человека? Или так оно и задумывалось? Бывший император был известен своим упрямством, возможно, до последнего момента он и не верил, что опасность есть. А императрица всецело доверяла мужу.

Но тогда дети? Детьми они не стали бы рисковать. А значит...

Димитрий осмотрел тело, впрочем, не особо рассчитывая что-то да обнаружить. Вздыхнул. Присел на стул. И приготовился ждать, заодно уж размышляя о том, что могло бы случиться.

Скажем, любовь.

Одобрели бы ее? Наверяд ли... все же пусть Игнат из рода древнего, да этого мало, чтобы претендовать на руку цесаревны. Тем паче что батюшка всерьез рассчитывает передать престол сыну.

Или брату.

Да и ходили слухи, будто старшие уже сговорены. А существующие договоренности рушить не дело, не из-за какой-то там любви.

Стало быть, сомнительные перспективы.

– Доброго вам дня, – Святозар Бужев стал выглядеть не в пример лучше. Он по-прежнему горбился, шел, прихрамывая сразу на обе ноги, и если бы не сучковатая палка, заменявшая ему трость, всенепременно упал бы. Но лицо разгладилось, да и гной из глаза исчез.

И пахло от святого отца травами.

– Доброго, – вздохнул Димитрий и, осененный внезапной догадкой, спросил: – А ваш отец не собирался вас женить, случайно? На ком-нибудь из царевен?

И по тому, как вздохнул Бужев, понял: угадал.

А ведь что может быть проще... иллюзия преемственности. И тот, кто желает оставить трон себе, должен был бы подумать о подобной возможности.

– Не только нас, – сказал Святозар, клюку отставляя. – Позвольте? Единственно, я хочу, чтобы вы поняли, что я тогдашний был... иным человеком. Не хуже, не лучше, просто другим. Мирским. Подверженным всем страстям и искушениям.

Он проковылял к столу и провел пальцами по спутавшимся волосам:

– Бедное дитя... Вы хотите, чтобы я призвал ее несчастную душу?

– Было бы неплохо.

Святозар замолчал, прислушиваясь к чему-то, и лишь губы его шевелились:

– Боюсь, не получится. На ней стояла печать, и принята она была добровольно.

– Что за...

Он, казавшийся немощным, с поразительной легкостью перевернул тело и ткнул пальцем в темное пятно над лопаткой, которое Димитрий принял за родинку.

– Вот. Если присмотреться, вы увидите руны... древний язык, ныне почти забытый. Знаете, большая часть наших особых сил связана именно с рунами. – Печать святой отец погладил нежно. – Они, с одной стороны, дают небывалое могущество, с другой – изрядно ограничивают. Эту печать можно поставить лишь с полного согласия человека, согласия истинно добровольного, а не вырванного ложью или муками.

– И что она?..

Димитрий взял со стола лупу на ручке. Родинка распалась на несколько, темные знаки, будто букашки, норотившие слипнуться в один комок. И главное, чем больше их разглядываешь, тем меньше понятно, что это. Ишь, шевелятся, переползают, меняя вид свой. И выглядит сие столь уродливо, что Димитрия мутит.

– Клятва абсолютной верности. Она не позволяет предать того, чьею рукой поставлена печать. А заодно уж обеспечивает спокойное посмертие. Душа уходит... правда, есть мнение, что она сгорает после смерти, ибо только так можно обеспечить полную сохранность тайн.

Святозар опустил тело и потер руки:

– Я не могу призвать ее душу к ответу, но тело находится в отличном состоянии и можно попытаться считать его память. Не всю, но наиболее значимые моменты, если вам нужно.

Димитрий вздохнул.

Нужно.

– Только я должен предупредить. В этом ритуале я могу быть проводником, а вот смотреть придется вам. И это будет... не совсем приятно.

Димитрий вздохнул снова и рукой махнул, мол, давайте, чего уж тут.

– Понадобится время. Наша магия основана на ритуалах, а сами понимаете, в отличие от чистых энергий они требуют тщательной подготовки.

– И крови.

– И крови. И порой боли. Хуже, когда радости... помнится, Радонецкие редко пользовались родовыми способностями, поскольку всякий раз, обращаясь к силе рода, они утрачивали толику эмоций. К старости становились на редкость неприятными людьми.

На стол лег давешний нож.

– Свечи найдутся?

– Найдут, – пообещал Димитрий. – Радовецкие...

– Вымерли еще задолго до Смуты. Кажется, младший их отрекся от рода, сказав, что не собирается становиться чудовищем. Честно говоря, не знаю, получилось у него или нет.

Он взял кружку и, полоснув руку, позволил крови течь.

А ведь красная.

Обыкновенная с виду. Густая, тягучая, и ничего-то в ней не ощущается ни древнего, ни загадочного. Кровь как кровь.

– Понадобится изрядно... А вы велите, чтобы свечи принесли, и непременно восковые.

Димитрий отдал распоряжения.

Будут восковые.

И какие нужно, такие и будут. Главное, понять, коим боком эта девица к Стрежницкому и чем это Богдашка так заговорщикам насолил, что все извести пытаются.

– А касаето царевен... да, папенька не особо скрывал своих намерений. Полагаю, в том и состояла его ошибка. Многим во Временном правительстве пришлось не по нраву его планы. К тому времени отец набрал достаточно влияния и войск, чтобы рассчитывать на удачу. С ним сложно было бы сладить.

– В отличие от царского семейства...

Святозар перехватил запястье тряпицей:

– Мне... неприятно осознавать, тем паче, полагаю, мое нынешнее признание не останется лишь в этих стенах...

Димитрий чуть наклонил голову.

– Я слышал, что его императорское величество проявил редкостное упрямство, преследуя всех, кто был так или иначе виновен в гибели его братьев... и прочих членов семьи. И потому мне не стоит рассчитывать на милосердие. Но с другой стороны, на моих руках и без того крови хватит не на одну смертную казнь...

Он отодвинул циновку, топнул, будто проверяя крепость пола, и, опустившись на четвереньки, вычертил первый символ.

– Мне случилось побывать там. Меня отправил отец с предложением, не сомневаясь, что оно будет принято. Как же... бывший император должен был осознавать, в сколь неоднозначном положении оказался. И отец предлагал выход, который устроит, как ему казалось, всех.

Он женится на старшей дочери. Нам с братом тоже достается по невесте. Новая династия не имеет права рисковать, так он выразился. Взамен он обещал его императорскому величеству спокойную и тихую жизнь, достойную его положения, и безопасность. Возможность уехать, если он сочтет нужным. Или остаться, но под защитой нового императора.

Кровавые знаки ложились на пол ровно. И лишь Святозар время от времени останавливался, чтобы размяться. Смуглые пальцы его отчетливо подрагивали, и он сжимал и разжимал их, восстанавливая кровообращение.

– И что вам ответили?

– Разговор прошел... не самым лучшим образом. Его императорское величество пришел в ярость и... пожалуй, я впервые ощутил, что такое их родовая сила. Это как... не знаю... на той проклятой пустоши, где я, на беду свою, выжил. Небывалая мощь, готовая стереть меня с лица земли... И да, я испугался. Я был живым человеком, более того, человеком, полагающим, будто будущее принадлежит ему. Я видел его столь явно, что позабыл, что все в руках Господа. Я отступил, сказав, что даю на размышление неделю. Мне казалось, что этого времени хватит, чтобы Николай остыл, да и супруга его, как мне показалось, отнеслась к нашему предложению весьма благожелательно. Во всяком случае, мой доверенный человек сообщил, что после моего ухода она долго оставалась подле мужа...

Доверенный, стало быть. Кто?

Хотя... чего гадать. Высочайшее семейство не оставили бы без надзору, и другое дело, что надзор этот был не только со стороны Бужева.

– И когда их расстреляли?

– На четвертый день. Полагаю, пришла телеграмма... мы остановились в Ебурге. Мутный городишко. Глава его кланялся, заверял в преданности, а в глазах его читалось желание отравить и меня, и всю свиту. Мы несколько... загуляли, это верно. Тогда смерть ходила рядом, а это заставляло острее ощущать саму жизнь. Вот мы и...

Он завершил рунный круг.

– Но однажды ночью в мои покои постучались. Доверенный человек... не смотрите так, у вас тоже, полагаю, хватает подобных людей. Так вот, он сообщил, что по решению революционного комитета царское семейство было предано смерти.

Святозар подошел к телу и, перевернув на живот, принялся рисовать кровавые знаки на коже.

– Я сперва не поверил. Это было... понимаете, пусть мой отец и присоединился к смутьянам, пусть даже где-то я сам разделял идеи, а вернее, полагал, будто мы можем пойти на некоторые уступки черни, с тем чтобы сохранить собственную власть. Все одно, я прожил жизнь под императорским крылом, я воспитывался в почтении и понимании, и наш род... не знаю, сказали ли вам, что вассальная клятва сохраняется и при отречении. Я не мог причинить вреда его императорскому величеству. Более того, если бы у Николая хватило духу приказать, я бы немедля вывез и его, и все семейство. Я бы просто не выдержал давления этой клятвы, подчинился бы...

Знаки протянулись от затылка к пояснице.

– А потому новость для меня была не просто удивительной. Она оглушала. Она... впервые, пожалуй, я осознал, насколько изменился мир.

– И что вы сделали?

– Натянул что под руку попало и коня потребовал. Полетел... один, к слову, и полетел. Мои соратники оказались не совсем в том состоянии, которое располагало к прогулкам. Помогите, будьте любезны... вот так придержите.

Прикасаться к мертвой девушке было неприятно. Но Димитрий послушно перевернул тело на бок, тяжелое, застывшее, что полено зимнее.

– Я увидел... – Вздох. – Вы первый, кому я рассказываю. Даже мой отец... его не слишком интересовали подробности. Он пришел в ярость, ведь это убийство ударило по всем. До того момента наши соседи блюли нейтралитет, однако смерть венценосного семейства... Спустя неделю бритты высадились на южных берегах. Ну да вы знаете... Я спешил. Помнится, уже там, в поместье, я понял, что одет лишь в рубаху и подштанники... спаситель и герой. Но со мной была моя ярость. И моя клятва. Она требовала покарать...

– И вы...

– Покарал, – Святозар усмехнулся и провел окровавленным пальцем по лбу девушки. – Все же... наша магия порой заставляет нас действовать не совсем разумно. Помню, мне навстречу вышел человек в черной кожанке. Он что-то там кричал про суд, постановление, смерть узурпатора. А я смотрел на него и думал, что он... скотина. Вот просто скотина, и все тут. Я сжег его. Это оказалось просто... там все было... нестабильно. Сами понимаете, что смерть мага, которым Николай не перестал быть после смерти, не могла не отразиться на мире, тем паче погиб и наследник, и силу было некому перенять. Она гуляла, свободная, дикая. Злая. И я стал лишь проводником... помню смутно, что в меня стреляли. Кто-то пытался задержать, кто-то... Я спустился в подвал. Сила звала меня... она требовала, тянула... в этот треклятый подвал.

Он остановился. Отвернулся.

Вытер грязные пальцы о не слишком чистую одежду.

– У дверей лежала женщина... из комнатных, оставшихся с Александрой... рядом Куржеватый, камердинер. Ему сперва прострелили колени, а уже потом добились. Их я помню хорошо. Сознание на время вернулось. И комнату помню, вернее, подвал с голыми стенами, на которых появились темные пятна. Мальчишку совсем юного, ровесника цесаревичу... и самого цесаревича. Лежал возле отца... и таким вдруг взрослым показался. В него всадили пять пуль. А Николаю хватило одной. Его убрали первым, должно быть, поняли, что он опаснее прочих...

Святозар дернул шеей.

И коснулся пальцами щеки.

– Аликс обнимала девочек... Почему-то там было много людей, куда больше, чем должно было быть... И я понимаю, о чем вы хотите спросить. И... я не знаю. Понимаете, тогда я был не совсем в себе... не совсем собой. И позже, возвращаясь к тому, что случилось, я сам себе не мог дать ответа. Аликс... наследник, император... Татьяна и Ольга определено... а вот остальные... повторюсь, там были люди, и много, но...

Вздох.

– Я сжег эту комнату со всеми, кто в ней находился. Я... мне вдруг подумалось, что с этих людей станется отсечь головы и выставить их, увезти в доказательство, ибо многие не захотят поверить в смерть императора на слово. А я не мог, понимаете? Не мог позволить подобного... я просто... это стало сильнее меня. Огонь просто вырвался и смел все, что было там...

Вместе с доказательствами чего бы то ни было.

– Я очнулся уже по-за домом, в голом поле... без коня, без одежды. Обессиленный. Я шел к дороге, понимая, что если встречу не тех людей, то меня убьют. У меня не будет ни малейшего шанса спастись. Однако встретил я свою охрану. Благо очнулись... им сообщили новость. Да что там им... эту новость напечатали во всех утренних газетах...

– Во всех?

– А то... я тогда тоже подумал, что в печать они ушли, еще когда Николай был жив. Так что мой отец переоценил свое влияние. Я же допустил преступную неосторожность. Быть может, явись я туда тайно, не афишируя своего присутствия... возможно, они остались бы живы. Помогите перенести ее в круг. И еще, я должен предупредить, что чужая память опасна...

Глава 8

Предупреждению Димитрий внял.

Он положил девушку лицом вниз. И сам сел, где велено. И положил руки на ее виски, холодные и отчего-то казавшиеся мягкими. Он закрыл глаза, позволяя вычертить на своем лбу знаки.

Могла или не могла спастись цесаревна?

Тела отыскивали, вернее, останки. И если прежде предполагалось, что жгли их бунтовщики, дабы затруднить опознание, то теперь очевидно: виноваты младший Бужев и та дикая сила. А неочевидно одно: почему Николай не сопротивлялся?

Он ведь пусть и не император, но маг. Императрица тоже.

И дети... Итого семеро магов древнего рода и изрядной силы просто позволяют взять и убить себя? Ладно, надежда на скорое разрешение неприятностей, однако... там, в подвале, когда зачитывали приговор, да и без приговора было же очевидно, что не для беседы приватной их пригласили.

Почему он не ударил? Не ради себя, так хотя бы ради спасения детей?

– Постарайтесь не заблудиться...

Или не мог? Хотел, но... Что, если...

Голос Святозара звучал словно бы издалека. Он дрожал, то растворяясь в туманной зыби, в которой вдруг оказался Димитрий, то почти развеивая ее.

Не заблудиться.

Хорошо говорить, а как не заблудишься, если кругом этот вот белесый клочковатый туман. И будто кто-то ходит, хлюпает, вздыхает... Эй, есть тут кто?

Есть, есть, есть... кто, кто...

Кто?

Девочка в белом нарядном платье. Она кружится и кружится... и смеется...

– А ты дурка! – кричит кому-то, и становится обидно. Почему ей все, а мне ничего? Мне? На Димитрии тоже платье, только не белое, а в клеточку. Он наказан. Ему велено сидеть в детской и переписывать начисто упражнение, а Беленка пойдет к гостям. И будет стишки читать.

И все станут хвалить. Папенька же рублем пожалует, а маменька пряником... Несправедливо!

Так. Стоп. Это не его мысли. И не его тело, слишком пухлое, какое-то неуклюжее... детское.

Воспоминания, но явно не те, на которые Димитрий рассчитывает. А потому высвобождается из них, не без труда, само собою, но все же...

Он вновь оказывается в тумане.

– Не понимаю, чего ты хочешь? – сестрицын голос полон скрытой издевки. – Ты еще слишком мала...

– Но тебя же берут!

– Я в отличие от некоторых умею себя вести.

– Это ты меня за столом толкнула!

И компот выплеснулся на скатерть и на новое платье, его испортив. Маменька огорчилась, а отец нахмурился. Вновь будет думать, что вторая дочь у него неудачная, толстая и неуклюжая. Сестрица же щелкает по носу...

Не то. Прочь.

Туман. Ну же, в нем и вправду легко заблудиться, а с другой стороны, стоит сделать шаг, вокруг Дмитрия встает бурая стена. Это не пламя, но держит она изрядно. И бурые же нити вырастают из его ладоней, уходя куда-то в туман.

Держат.

Дальше!

– Не представляю, что с ней делать... девочка – совершенная дичка...

– Отправлять. Пускай учится, – отец говорит громко, не стесняясь быть подслушанным. – Дар у нее изрядный...

– Но деньги...

– Деньги есть, и ты это знаешь.

Маменька замолкает, а Дмитрий сжимает кулачки. Ну же, соглашайся... дар ведь и вправду есть, открылся недавно, изрядно напугав гувернантку, которая вдруг пришла в себя на четвереньках и гавкающей. До чего смешно было...

– Ты хочешь уполовинить Стешенькино приданое?

– Не только Стешенькино, – отец спокоен, он всегда спокоен, и порой это спокойствие пугает. – Оно, если помнишь, и Элизе принадлежит...

– Именно. Если разделить на двоих, то крохи выйдут, а ты хочешь их и этого лишить. Ладно, Элиза с даром, она в любом случае жениха найдет, но Стешенька... Девочка вошла в возраст...

– Она только на год Эли старше.

А в висках бьется гнев. Снова она. Снова...

Всегда она и только она, такая хрупкая и изящная. Умная. Вежливая. Ее хвалит гувернантка, а наставники восхищаются остротой ума. Она умеет одинаково ловко решать задачи, рисовать на картах и вышивать лентами. А еще музицирует весьма прилично, пишет экспромты и даже пробует себя в скульптуре.

Ее собираются вывозить в Арсинор.

А Дмитрию...

Не ему... ей остается смириться. Она ведь всегда смирялась.

Чужая память.

Теперь с нею легче управиться.

– Найдем кого, пусть научит основам, а там пройдем освидетельствование и ограничители поставим, – матушка говорит убежденно. – Притыцкие так сделали...

– И что в том хорошего? – отец ворчит, но согласится. Он всегда и во всем с матушкой согласен, и от этого становится еще обидней. – Лишать девку шанса...

– Какого шанса? – матушка едва ль не визжит, что совсем неприлично. – Одумайся... в этом университете, если хочешь знать, совершенно невозможные порядки! А Элька не особо умна, не говорю уже о хитрости. Быстренько окрутят, а после бросят. Вот принесет в подоле...

– Авось не принесет.

– Если и нет, то дальше что? Дар у нее есть, но куда с ним... в менталисты коронные? А дальше что? Кому нужна будет жена, способная мозги из головы вытащить?

– Ты преувеличиваешь.

– Я? Это ты... на что ты ее обрекаешь? Служить короне до самой смерти? Ни друзей, ни... Тебе ли не знать...

– Успокойся, – примиряюще сказал батюшка. – Небось и на нее свой охотник сыщется, а если дар и вправду яркий, то есть те, кто не испугается, а наоборот...

Прочь. Не то.

Хотя обида ярка. И стало быть, маменька уговорила. Конечно, отец обещал подумать, всего-то нужно, что годик потерпеть. Чай, университет не убежит. А пока у Эли будет время подготовиться.

Вон наставника пригласили.

И цепку на шею повесили, мол, для ее же блага, а то ж дар, он такой, опасный без должного контроля. Цепка душила. И ночью Элиза просыпалась оттого, что того и гляди задохнется. Она умоляла матушку, но та оставалась непреклонна.

Нельзя. Дар...

Дальше слезы, уговоры...

Но матушка лишь отмахивается:

– Дорогая, не понимаю, на что ты жалуешься. Жених ждать, пока ты доучишься, не станет. А партия наичудеснейшая. Тебе стоит порадоваться, что тобой заинтересовались Ветрицкие...

Стоп. Ветрицкие.

Древний род. Богатый. И сестрица кривится, не скрывая злости: уж она бы... но у нее дара нет.

– Постарайся все не испортить, – матушка сама нащипывает щеки и хмурится. Стало быть, выглядит Элиза не так чтобы хорошо. Ничего. Она привыкла к собственной некрасивости.

А Ветрицкий хмур. Он старый.

Как папенька. Но по нему не скажешь, смотрится молодо, что заставляет сестрицу жеманничать. Впрочем, Ветрицкий в отличие от иных кавалеров не испытывает восторга и не спешит лишиться разума, но машет рукой и говорит:

– Замолчите.

И Стеша замолкает.

Ее глаза вдруг стекленеют, и сама она...

– Не стоит волноваться, это ей не повредит. Она будет уверена, что весь вечер меня очаровывала, а я поддавался. При внушении главное – использовать понятные людям образы. Позвольте?

Он потянул за треклятую цепочку, и Элиза склонила голову.

Первый вдох дался ей... тяжело.

А Ветрицкий нахмурился:

– Стало быть, ее в принципе не снимали? Когда ваш батюшка написал мне, я, признаться, не думал, что все настолько... серьезно. Дышите. И если больно – кричите.

Она не кричала.

Стиснула зубы, пытаясь справиться и со слабостью, и с головокружением, чем заслужила одобрителный кивок.

– Ваш дар успели изуродовать, благо не окончательно... Но это я носить запрещаю. Ясно?

Элиза кивнула, впрочем, сумела сказать:

– Маменька...

– Ваша матушка пытается лезть в дела, в которых ничего не понимает. Но я сумею донести до нее свое неудовольствие.

Рядом с ним было...

Спокойно? Пожалуй. И сестрица, в кои-то веки замолчавшая, радовала премного.

– Итак, мне интересно, чего вы сами желаете? – жених предложил руку, и Элиза ее приняла. А заодно задумалась: чего она желает?

Никто и никогда не спрашивал.

Никто и никогда...

А она сама...

– Не знаю, – честно ответила она, хотя с ответом ее как раз таки и не торопили. Ветрицкий же кивнул, соглашаясь будто, что вот так, с ходу, и не поймешь, чего пожелать. – Я... наверное... научиться, как вы... и стать хорошей женой...

Элиза запнулась. Вздохнула. И призналась:

– Только вряд ли получится...

– Почему?

– Я ведь... я не слишком красивая. И глупая. И неуклюжая. И музицировать не умею.

– Поверьте, – он позволил себе легкую усмешку, – я в состоянии купить себе театр, если уж потянет музыку послушать. Вы милая девочка, но пока слишком девочка...

И Элиза подавила вздох разочарования. Значит, откажется, и тогда сестрица преисполнится уверенности, что случилось это исключительно благодаря ее красоте, а матушка окончательно в Элизе разочаруется и точно в монастырь отправит.

Сбежать.

И...

– Не спешите. Свою долю глупостей вы еще исполните, – Ветрицкий остановился и, подняв пальцами Элизин подбородок, заглянул в глаза. – Не стоит смущаться. Это нормально. Молодость порывиста и искренна в своих устремлениях. А что не всегда оные разумны, это ведь не их вина... я бы предложил вам следующее: учиться.

Помолвка состоится, и договор будет подписан. А значит, Элиза, можно сказать, замужняя жена, потому как такие договоры не разрывают просто так, и если подпишут, то маменька позволит переехать...

– В переезде пока нет нужды. Я отправлю к вам учителей. И компаньонку. Полагаю, она сумеет оградить вас от излишнего внимания вашей... родни. Попытаемся восстановить ваш дар...

– А если...

Если дар не восстановится, будет ли этого достаточно, чтобы помолвку разорвать?

– Не переживайте... вы очаровательны. Юны. И неглупы. А потому я в любом случае буду рад назвать вас своей женой...

Память.

Память сминается под пальцами, она словно теплый воск, и Димитрию сложно ею управлять. Он пытается. Он не думает о Ветрицком. Кажется, тот недавно погиб... Несчастный случай или что-то вроде? Или не в случае дело, но...

Дальше. Вдох. Выдох.

Учеба. Дни, слипшиеся в одно. Компаньонка, оказавшаяся такой милой... только для Элизы. Она и вправду как-то сделала так, что маменька перестала к Элизе придирааться, вдруг озаботившись приданым Стешеньки и вовсе ее судьбой.

Ей нужен жених не хуже.

Вот только кому надобна невеста без дара? И Стешка понимает. И злится. И давится неспособностью своей эту злость обуздать.

– На редкость несдержанное и неразумное поведение, – компаньонка говорит с легким акцентом, хотя и чисто, и Эля кивает. – Женщина, которая так себя ведет, не может рассчитывать на удачную партию. К счастью, внешность на самом деле решает мало...

Дальше.

Приезды Ветрицкого. Прогулки по полям. Букет из ромашек и колокольчиков. Разговоры...

– Его императорское величество давно уж отошел от дел, – Ветрицкий говорит с ней как со взрослой. – Это печально, поскольку ныне судьба империи оказалась в руках людей недостойных... если вовсе людей.

Она слушает.

Бестолковая влюбленная девочка, готовая ради ласкового слова в омут кинуться. Она и кидается, пропитываясь духом этой нелюбви к короне.

Ей кажется, что ей доверяют.

Как же...

– Ее императорское величество, если подумать, тоже не виновата... все же в природе своей она далека от человека. Более того, кое в чем они, несомненно, людей превосходят... – Ветрицкий в Арсиноре бывал часто, привозя из поездок подарки, причем не только для Элизы, и разговоры.

Их Димитрий изучал особо тщательно, уже не испытывая ни брезгливости, ни угрызений совести, но лишь страх пропустить что-то и вправду важное.

К примеру, легкое внушение.

Да, девочка была менталистом, но юным, неопытным, что стоит слегка подтолкнуть такую в нужном направлении? Сделать чувства к Ветрицкому ярче, приглушив остальные.

Пусть оживает лишь рядом с ним.

Привыкает, что отныне весь мир ее – в нем лишь. А заодно...

Ее явно готовили.

К чему?

К представлению? Она, как супруга наследника древнего рода, обязана была бы предстать пред императорскою четой. Кто ждет от наивной сельской девочки удара?

Память сопротивляется.

Она хранит свет, и любовь, и растреклятые колокольчики. Еще аистов, что выплясывали в гнезде и трещали, трещали, запрокинув головы.

Первый робкий поцелуй.

– Вы мое счастье, – говорит Ветрицкий, и Элиза задыхается от избытка эмоций.

А Димитрия мутит от фальши.

– Мне придется уехать, душа моя, – он целует бледные ручки. – Но скоро я вернусь, и, полагаю, мы сыграем эту чертову свадьбу... я больше не готов ждать.

Это признание заставляет Элизу вспыхивать от стыда. И предвкушения. И сердце бьется часто-часто...

– Слушайся Катарину, – велит Ветрицкий. – Она тебе дурного не посоветует...

Он уехал и не вернулся.

Хмурый папенька.

Маменька в слезах и с платочком. Стешка, не скрывающая радости, и от этого втрое больше больно.

– Мне жаль, – отец отводит глаза. – Это был несчастный случай...

– Это было убийство, – Катарина слегка картавит. И говорит тихо, уверенно, и Лиза сразу верит ей.

– Кто?

– Стрежницкий.

Имя незнакомо. Оно колючее, гадкое, и Элиза повторяет его шепотом, пробуя на вкус. Имя вязнет на зубах. Имя вызывает отвращение, глухую злость, до тошноты, до...

– За что?

– Цепной пес короны, он не сам, он лишь делал, что велят... Не переживай, девочка моя. Ветрицкий о тебе позаботился...

Он и вправду оставил духовую грамоту, по которой Элизе отошли поместье и пара деревень, немалое денежное содержание и гарнитур из желтых алмазов.

– Он собирался делать подарок к свадьбе, – сказала Катарина, которая как-то сама собой осталась в семье, благо положенное ей жалованье Ветрицкий выплатил на десять лет вперед. –

Вам бы пошло несказанно. Не стоит плакать. Вот увидите, жизнь сложна и непредсказуема... Полагаю, у вас будет возможность восстановить справедливость.

Эта мысль прочно засела в Элизиной голове.

Справедливость.

Ветрицкий ее заслуживает, потому что он самый лучший... был... За что убили? И кто? Она, конечно, не могла узнать сама, но Катарина, верная Катарина...

– Гнилой, ничтожный человек. Во время Смуты ему удалось выбрать верную сторону, – она теперь была подле Элизы денно и нощно, надежно ограждая подопечную и от матушки с ее безумною идеей немедля выдать Элизу замуж, а еще отнять алмазы, ибо у Элизы траур, а Стешеньке нужнее, и от самой Стешки, и от всех иных забот. – Он многое творил такого, о чем ныне говорить не принято... Сказывают, он собственноручно удавил невесту...

– Свою? – спросила Элиза и поняла, до чего нелепо звучит этот вопрос.

– Свою. Это очень грустная история... о любви и доверии... Так уж вышло, что я знала несчастную Марену и потому от души ненавижу Стрежницкого.

Стоп. Вдох. Выдох.

И осторожно, не спеша, не разрушая тонкого полотна чужой ожившей памяти. Катарина... ее лицо расплывчато, и сложно сказать, красива она или нет. И вовсе разобрать хоть какие-то черты. Голос и тот будто бы меняется.

Высокая? Низкая?

Цвет волос, цвет глаз, все ускользает, будто бы Димитрий смотрит на нее сквозь закопченное стекло. Морок? Определенно.

– Мы были близки, как сестры... ближе, чем иные сестры...

Стешка давеча скандал закатила, что у Элизы платья лучше. Так ей из Арсинора привезли, по последней моде. Ветрицкий мерки отвез Ламановой, заказал гардероб для будущей жены. И сердце сжалось болезненно...

– Я ей говорила, что опасно доверять этому проходимцу... Откуда он взялся? Появился вдруг, вскружил голову, уверил, что они будут вместе до конца жизни. Женское сердце слабо, сама знаешь...

И Элиза кивает.

Знает.

А еще болит оно, ноет.

– Она прошла с ним через многое. Она стала верной подругой. Была ранена, защищая его. Выжила, несмотря ни на что... А он ее удавил.

– Почему?

Катарина пожала плечами:

– Надоела... Видишь ли, дорогая, мужчины не склонны ценить самоотверженных женщин. Она узнала о нем кое-что нелицеприятное. В последнем своем письме она говорила, что пребывает в сомнениях, что любовь в ней борется с чувством долга. Полагаю, он помогал смутьянам, представляясь верным сторонником короны...

– Это...

– Предательство. Да, но, возможно, она готова была бы принять его и таким – что поде-лаешь, любовь ослепляет...

Димитрий согласился.

Еще как ослепляет, а уж приправленная изрядной толикой воздействия, вообще способна сделать влюбленного слепым, глухим и неспособным думать.

Девочку было жаль.

Немного.

– Полагаю, она попыталась воззвать к его совести, за что и поплатилась. Мне стоило немалых усилий выяснить ее судьбу. И да, я пришла в ужас, я желала не мести, но справедливости...

– И почему?

– Потому что к тому времени Стрежницкий успел прославиться. Как же, герой... о нем говорили как о человеке самоотверженном, подающем пример слабым. И тут я. Кто бы поверил мне? Тому несчастному письму, в котором и доказательств не было, одни лишь намеки.

Теперь голос звучал ровно, а речь была тиха, убаюкивающая. И Элиза поддалась ей, она прикрыла глаза, почти засыпая.

– Ничего, деточка, я так ждала, мы все ждали... И время пришло. Ты ведь поможешь мне? Мы восстановим справедливость...

От памяти почти ничего не осталось.

Верно, время выходит, ведь мертвое должно остаться мертвым. А потому Димитрий торопится. Он листает дни, прослушивая беседы, которые сводятся к одному: девочку учили ненавидеть.

Воплощение зла. Подлец. Соблазнитель женщин. Бретер, вызывающий на бой лишь тех, кто заведомо слабее. Убийца на службе короне.

Как узнали?

Димитрий спросит. Позже.

– Скоро уже... – Катарина стала ближе, чем родные, и, пожалуй, лишь она одна понимала всю боль юной души.

Конечно, понимала. Она и не давала этой ране зарости, наслаивая на одни чувства другие. Это ведь просто – разжечь интерес до влюбленности, а ее выставить любовью. И плеснуть горя, отчаяния. Довести до грани.

– Ты должна принять участие в конкурсе, – Катарина держала Элизу за руку. – Это наш шанс...

Единственный.

Ведь она никогда не выйдет замуж, чтобы не опозлить память о Ветрицком.

– Куда тебе на конкурс? – матушка, впрочем, имела свое собственное мнение. – Ты посмотри на себя! Ты исхудала, вся потемнела, тебя и близко не допустят. А вот Стешенька...

– У Стешки нет дара, – сухо напомнила Элиза. – Это противоречит условиям. Что до меня, то я... вольна в своем выборе, даже если вы будете против.

Матушка обиделась и занемогла. Стешка устроила скандал, а Катарина наняла экипаж.

– Скоро, дорогая моя, скоро мы окажемся во дворце, но действовать придется осторожно. Мой бедный брат слишком спешил, за что и поплатился... Вот увидишь, у нас с тобой получится.

Память извернулась и выплюнула Димитрия. Он оказался вновь в тумане, непроглядном, густом, что войлок. Он трогал этот войлок, и пальцы проваливались в него, но сам Димитрий оставался на месте.

Неужели заблудился? Проклятье. Он должен вернуться!

Туман молчал.

Должен... ради империи, которая вот-вот рухнет, потому что все думали, что заговорщикам нужна власть. Она нужна, но не только она... Менталисты сходят с ума чаще остальных. Проклятый дар, обратной стороной которого становится одержимость.

Туман все еще молчал.

Лешек! Он должен услышать... он должен понять... почувствовать...

Кровь...

Они смешивали ее, резали руки кухонным ножом, который Димитрий стащил у старшей кухарки. И смешивали. Над огнем и еще над водой. Братья навек... братья...

Ну же, Лешек, отзовись.

Туман молчит и сердце тоже. Значит, надо иначе... Как? Вернуться самому. Ведь где-то там осталось тело, спеленутое кровавыми рунами. И Димитрию всего-то нужно – найти его...

И еще рыжую.

С темными, что вишня, глазами. С умением ее всегда оказываться не там, где нужно. Сосредоточиться... и нет, она не услышит.

А кто?

Та, которая ходит меж мирами.

– Асинья! – закричал Димитрий и не удивился почти, когда туман обернулся вихрем белых перьев. Крылья распахнулись, а из пустоты на Димитрия взглянули синие нечеловеческие глаза.

И он взмолился:

– Выведи...

Глава 9

Матушка пряла пряжу.

Иногда находило вот на нее. Усаживалась у окошка, приоткрывала ставенки, впуская в жаркие покои свой летний ветерок. Она трогала каменную кудель с каменными же нитями, прикасаться к которым дозволено было лишь некоторым людям.

Толкала.

И волчок крутился сам собою, а белые пальчики знай себе тянули нить, тонкую да звонкую, уже не каменную, но и не такую, к которой привыкли люди. Матушка слегка наклоняла голову, а порой и песню заводила, правда, со словами непонятными.

После, когда пряжи вдоволь станет, она уберет кудель, а на место ее кросна поставят. И тогда заскользит по ним заговоренный челнок, из камня ткань выплетая. И будет та ткань тонка, тоньше шелка, но и прочнее гранита. Ни стрела ее не возьмет, ни даже пуля...

Батюшке она рубаху сшила. И Лешеку.

И стало быть, не только ему надобно, если матушка вновь прядь села.

А нить-то белая, полупрозрачная.

Женская?

– Заходи, дорогой, – она выпустила кудель из рук, но та плясала, сама нить вытягивая. – Присядь. Выпей вот.

Она сама поднесла Лешеку ковшик резной, наполненный до краев самым водою. И была вода та студена, а еще горька без меры. Лешек пил, давился, но все равно пил, до самого дна, до...

– Больно? – матушка заглянула в глаза и волосы тронула, ласково, как в детстве. А Лешек уткнулся головой в живот ее, вдохнул родной запах и с трудом удержался, чтобы не разрыдаться. – Кровью пахнет... стало быть, ходил?

– Ходил.

– Узнал что?

– Узнал... ты тоже знаешь, верно? Без тебя она бы не укрылась, так? Почему ты ей помогла, а отцу... он...

– Он бы не отпустил, – она перебирала светлые прядки, вытягивая из них печаль и горе. – Он был одержим мыслью род восстановить и никогда бы не позволил ей уйти, держал бы здесь, в клетке этой.

– Но ты...

– Я сама в клетку пошла. Мой выбор, и только мой. А она другого желала.

– Свободы?

Это Лешек, пожалуй, мог бы понять, но слишком жива была еще память. И люди, погибшие, стало быть, зазря... Если матушка знала, если...

– И свободы в том числе. Она уцелела чудом. Она уцелела, а прочие нет. Она сбежала на свидание, позволила случиться любви. Решила, что если батюшка больше не император, то и она не цесаревна, а стало быть, может позволить себе такую роскошь, как любовь... Правда, матушки все одно опасалась. Говорила, что больно та была строга...

Императрица отстранилась и ладонью вытерла слезы. Слезы? А Лешек не заметил, что плакал. Надо же... как мальчишка... а ведь он будущий император и права не имеет ни на слезы, ни на что другое. Глянул в каменные глаза матери и попросил:

– Расскажи...

– Так не о чем рассказывать особо... – императрица выпустила его и подала шелковый платок. – Утрись и присядь. Однажды... я только-только во дворце появилась. Все иное, незна-

комое. Мир этот. Люди, которые меня и боялись, и ненавидели. Я не была готова ко всему этому, терялась и, признаюсь, испытывала преогромное желание немедленно покинуть это место.

Что бы было тогда?

Отец смирился бы? Или оставил бы проклятую корону? И так, и так – плохо...

– Он мне помогал. Он знал, насколько все... нехорошо порой бывало, однако мужчине тяжело воевать с женщинами, и во многом мне пришлось справляться самой. Потому я благодарна несказанно Одовецкой за ее помощь.

Матушка вернулась к кудели.

И нить заплясала, задрожала, меняя цвет на темно-синий.

– Однажды в покоях моих появилась девушка, что было удивительно, поскольку покои эти охранялись весьма и весьма тщательно. Однако, как выяснилось, дом, построенный на крови, этой крови многое позволяет. Она назвалась цесаревной Ольгой, и я ей поверила.

– Сразу?

– Она не лгала, – матушка задержала нить меж пальцами. – Белый с лазоревым – это красиво?

– Пожалуй...

– Она просила передать Сашеньке, что жива и что возвращаться не желает. Чтобы ее не искали, поскольку она знает способы скрыться и... в том не будет никому выгоды. Она вышла замуж. За человека, которого сама полагала простым. И желала лишь жить с ним в мире и согласии. Она боялась, что твой отец не устоит перед искушением, откроет Книгу и узнает правду. А узнав, попробует ее вернуть...

– А возвращаться она не желала.

– Категорически. Она понимала, что супруга ее никогда здесь не примут. И мне это было понятно. Как и опасения, что с неугодным супругом этим может произойти несчастье, пусть даже не по воле твоего отца, но по молчаливому сговору тех, кто пожелает породниться с нашим семейством.

И Лешек, подумав, кивнул. Пожалуй, что так... сколько вон на матушку покушались даже после того, как он на свет появился и был законным наследником объявлен. А уж супруга цесаревны точно не пощадили бы, тем паче если он крови простой...

Люди хрупки. Слабы.

– А еще она ждала ребенка и не желала, чтобы тот становился заложником в дворцовых игрищах. Его бы признали наследником, а там уже...

– И ты рассказала отцу?

– Нет.

– Почему?!

– Потому что пожалела ее...

– А его?!

– Он пережил смерть и брата, и племянников. Он отомстил за них. Отплакал. И отпустил. А скажи я, неужели бы он удержался? – Кудель на мгновение замерла, чтобы заплесать скорее, сильнее. – Ты знаешь, что он стал бы искать и нашел бы. И никому от этого не стало бы хорошо.

Пожалуй, в чем-то матушка была права.

– А теперь что? – тихо спросил Лешек.

Она же, потянув нить, уже темно-золотую, янтарную, сказала:

– А теперь... теперь тебе решать.

И улыбнулась этак хитровато. Конечно, решать ему... и вот как решить, а главное – что? И прав ли Лешек в своих догадках? А если не прав, то...

– Я слышала, – матушка легко сменила тему, – ты давеча не один с прогулки вернулся...

Лизавета маялась.

Во-первых, чувствовала себя изрядно виноватой. Пусть Гришка был еще тем засранцем, лишенным не только чести и совести, но и мало-мальского ума, однако смерти он не заслуживал. Тем паче такой... Вот если бы она, Лизавета, не оставила бы его одного, беспомощного, то, глядишь... Во-вторых, не отпускало ощущение, что весьма скоро тот господин, который явно был не против назначить Лизавету виновной в этой нелепой смерти, решит-таки, что был прав в своих устремлениях.

И что тогда?

Доказывать, что она не травила Гришку?

А кто травил?

– Интересненько, – Аглая Одовецкая терла пальчики. Она стояла, поднявши руку, и терла, терла, хмурилась. Нюхала эти самые пальчики. – Яд-то редкий, дорогой... зачем его тратить на этакое убожество?

– А с чего ты решила, что убожество? – Таровицкая хмуро поглядывала в сад, но при том не делала попыток подняться с резной скамеечки. Более того, со стороны она выглядела весьма пристойною барышней, занятою исключительно девичьим делом – веночком. Пальцы ее двигались, тонкие стебельки переплетались...

– Бабушка сказала...

Таровицкая вздохнула и закатила глаза.

– Он газетчик, – Одовецкая все же вытерла пальцы о юбку. – А они вечно гадости пишат...

– Неправда! – Лизавете стало обидно.

Да, она писала гадости, не без того, но ведь она лишь рассказывала о людях, которые оные гадости совершают. Почему тогда получается, что люди эти несчастные, а газетчики – сволочи?

Или совершать гадости можно, а рассказывать о них – никак?

– Правда, правда, – Авдотья цветочки перебирала с видом преудивленным, будто не могла понять, как вышло ей собрать этаким венчик. – Папенька тоже говорит, к нему как-то один приезжал, все ходил по городу, вынюхивал, выглядывал. Оказалось – шпион.

– И что вы сделали? – в голосе Одовецкой слышался немалый интерес.

– Как что? Повесили, и дело с концом...

Лизавета потрогала шею. Подумалось, узнай подруженьки о ее работе... Нет уж, лучше, чтоб не знали. Да и какие из них подруги? Случайные. Жизнь свела, жизнь и разведет. Закончится конкурс, и разойдутся, разлетятся пути-дороженьки. Лизавета домой вернется.

И научится вышивать крестиком.

Или вот крючком вязать. У тетушки изрядно выходит. Будет писать сестрицам письма, радоваться, что у них-то жизнь сложилась, а сама... что сама? Поплачет да успокоится...

– Если он газетчик, – Таровицкая выплетала узор из васильков и ромашек, вставляя тонюсенькие веточки вейника, – то мог что-то узнать такое, чего знать ему не полагалось.

– Узнал, – сказала Лизавета. – Он мне говорил... я потому его... он сказал, что скоро тут весело станет.

– Вот так прямо и сказал?

– Не то чтобы прямо... я так поняла.

– Знаешь его?

Лизавета кивнула. И уточнила:

– Не слишком близко. Он ко мне сватался.

Авдотья фыркнула. Таровицкая бровку приподняла, а Одовецкая головой покачала, явно не одобряя. Вот только что именно она не одобряла – намерения ли покойного или же саму мысль, что к Лизавете могут свататься, – осталось неясно.

– Он и раньше был... не особо вежлив, – раз уж начала говорить, то следовало продолжать. – Сказал, что все равно мне деваться некуда... а скоро... что-то произойдет. Нехорошее. И полагаю, на празднествах...

– Произойдет... – задумчиво произнесла Таровицкая и пальцами щелкнула. Вспыхнул белым пламенем цветочный венок да и осыпался пеплом.

– Всенепременно произойдет, – согласилась с нею Одовецкая. – А знал он, выходит, много... и Стрежницкого арестовали...

– Что? – Авдотья вздрогнула.

– Не слышали? – Аглая явно удивилась. – Об этом ныне только и разговоров... он курсантку убил...

– Быть того...

– И признался. Она то ли сама к нему пришла, то ли заманил коварно. Главное, что он ее застрелил. А стало быть, повесят скоро.

Авдотья побледнела. Покраснела. И встала.

– Куда? – поинтересовалась Таровицкая. – Тебя к нему не пустят... правда...

Она отряхнула ладошки от пепла:

– Если Лизанька князя попросит...

И все уставились на Лизавету. А та сглотнула. Нет, она не против князя попросить, только его ж сперва отыскать надобно...

Когда Дмитрий открыл глаза, первое, что он увидел, – ясные, прозрачные очи Асиньи. Она коснулась лба его ледяным пальцем и заметила:

– Нельзя часто дорогами мертвых ходить. Утянут.

– Не буду.

– Будешь, – возразила свяга. – Скоро... уже... мертвецы ждут справедливости. Их много сюда пришло. А меня не слушают.

Святозар сидел в уголке, скрутившись, закрывши лицо ладонями, и сквозь пальцы его текла кровь, и казалась она не красной, но черной. Правда, пахла все равно кровью.

– А с ним что?

– У него свои мертвецы, – сказала свяга, отступая. Теперь она казалась почти человеком, во всяком случае, хрупкой этой девушке не было места в подвале. – Когда граница истончается, он слышит их голоса.

Дмитрий сел.

Голова кружилась. Перед глазами плясали мошки, да и вовсе ощущения были препоганейшими. Он сглотнул, попытался было подняться, но тело, вялое, будто слепленное из воску, двигалось медленно. И Дмитрий только и сумел, что на живот перевернуться да худо-бедно ноги подобрать. Он и дышал-то через раз, открытым ртом, втягивал гнилой тяжелый воздух.

– Я могу позвать кого, – сказала равнодушно свяга. – Когда душа уходит из тела, оно немного умирает. Если уйти надолго, то оно умрет совсем.

А теперь пришла боль.

Вспыхнули огнем кончики пальцев, мышцы скрутила судорога, и кажется, Дмитрий не сдержал рвотные позывы... главное, чтоб не на мертвеца... девчонку было жаль.

Ветрицкие.

Надобно спросить... надобно...

Он дополз до края круга и уткнулся лбом в пол. Пробормотал, давясь слюной:

– Ты... жив... некромант...

От голоса его Святозар вздрогнул и отнял руки от лица. Да уж, проклятая магия никого не красит – кожа потемнела, налилась синевой...

– Я могу тебя забрать, – сказала Асинья, протягивая то ли еще руку, то ли уже крыло. – Если хочешь уйти...

– Нет.

– Но ты хочешь?

– Да, – святой отец рукавом вытер кровавые сопли. – Но нельзя. Еще нельзя... Ты узнал хоть что-то?

Димитрий старался не смотреть на тело, на символы, что прорезали кожу свежими ожогами.

Еще и родным объяснять придется. Они и без того в ярости, крови Стрежницкого требуют, а в то, что красавица их сама пыталась бедолагу извести, не поверят. И главное, Ветрицкого Богдан не убивал, это Димитрий знал точно, не смог бы – кровь не та, сила не та, а одной шпагой такого, как Ветрицкий, не одолеть...

Надо выяснить, что там произошло.

Лешек наблюдал за девушкой издали.

Она сидела на скамеечке, раскладывая разноцветные камушки одной ей понятным узором. Вот башенку строит, ставя один на другой, вот... вздыхает.

Поворачивается. Пожимает плечиками.

Неказистая, пожалуй... именно что неказистая, ничего-то в ней, если разобраться, и нет. Сама худенькая, едва ли не болезненная, одно острое плечико чуть выше другого. Ручки тонкие из рукавчиков выглядывают, и сама она глядится так, будто только-только из детской выглянуть дозволили.

Вот ножки поджала. И распрямила. Огляделась. Помахала в воздухе. Улыбнулась своим каким-то мыслям.

Окликнуть?

Неудобно выйдет... или наоборот? Он выбрался из кустов, в которых постыдно скрывался от внимания конкурсанток и выбывших из конкурса девиц, а также родственников их многочисленных, зачастую полагавших, будто выбытие это есть результат интриг наиковарнейших. Девицы трепетали, родственники требовали справедливости или хотя бы внимания, а у Лешка от этого голова болеть начинала.

– Доброго дня, – поздоровался он, тросточку за спину пряча. Надобно сказать, что тросточка ныне была наимоднейшая, сделанная в виде длиннющей, не иначе журавлиной, ноги, на которую по какой-то хитрой задумке водрузили слоновью голову. Была она в захвате неудобна, а еще огромные бивни, того и гляди, норовили за карман зацепиться.

– Доброго, – Дарья моргнула и порозовела. – А вы...

– Гуляю. Не желаете ли со мной?

– Я... – она окинула взглядом горку из камней. – Не складываются. Я загадала, что если сложится, то все будет хорошо, а они... неровные.

– Это вы просто складывать не умеете, – Лешек подошел.

В узких штанах ходить было тяжело. Шажки приходилось делать коротенькие, да и все одно не отпускало ощущение, что того и гляди штаны треснут.

– А вы умеете? – Она слегка нахмурилась.

– А то... подержите, – он сунул ей слона с журавлиной лапой и взялся за камень. Сила отозвалась легко, и камень встал на камень, и следующий, и еще один.

Башенка вышла невысокой, но вполне устойчивой.

– Вы...

– Только никому не говорите, – Лешек прижал палец к губам. – У вас свой дар, а у меня свой.

Она рассеянно кивнула и убрала прядку золотистых волос за ухо.

– А вы...

– Дарья, верно? И вас все время забывают, – Лешек не удержался, так щеки ее вспыхнули. – Маменька на ярмарке, а папенька...

– Вы помните?!

Почему-то это прозвучало почти как обвинение.

– Виноват, – развел Лешек руками. – Но если вам будет легче, то могу соврать, что нет...

Она покраснела еще сильнее и кулачки стиснула. Мотнула упрямо головой и сказала:

– Врать нехорошо.

– Вот и я о том же... А вы что тут скучаете? – Лешек предложил руку, и ее, после недолгого колебания, приняли.

– Просто... думаю о всяком... знаете... почему-то многие считают, что над нами издеваются...

– И вы?

– Нет... Мне кажется, что Аглая права и в этом есть смысл. Хозяйка должна уметь принимать гостей... любых... И раз так, то нет ничего дурного в том, чтобы показать свое умение. И это не оскорбительно.

Она шла неспешно и трость по-прежнему держала, правда, так, будто собиралась этой тросточкой кого-нибудь да огреть.

– Похвально, – одобрил Лешек.

Они шли по узенькой дорожке, по обе стороны которой поднимались стены розовых кустов. Порхали бабочки. Птички чирикали. И солнце припекало вовсе немилосердно. На крохотной шляпке Дарьи поблескивали серебряные ниточки, и смотрелось сие премило.

– А скажите, – не то чтобы молчание утомило Лешека, напротив, с нею и молчать оказалось на диво удобно, – как я выгляжу?

– Вы?

– Я.

Она замялась. На худеньком личике читалось явное сомнение.

– Вы... вы хорошо, – вздохнула Дарья, сдаваясь в борьбе с собою же. – А вот костюм не очень. Он какой-то слишком...

– Тесный? – Лешек повел плечами, чувствуя, как похрустывает ткань.

– И золотой... чересчур.

Глава 10

Князя они все же отыскали. Был тот в собственных покоях, возлежал на постели, окруженный сомнительного вида девицами, которые Лизаветиному появлению не обрадовались. К чести, следовало отметить, что не обрадовались они не только Лизавете, но всем гостям, нарушившим покой больного. И более того, одну Лизавету вряд ли б вовсе на порог пустили, Таровицкую вот тоже задержать пытались, но она рученькой махнула, ноженькой топнула и сказала, что за грубость всенепременно папеньке пожалуется. А Одовецкая вовсе потребовала проводить ее к больному.

Она ж целительница.

А Лизавета уже при них, стало быть.

Как бы то ни было, охрана их пропустила, лакей, протиравший ломберный столик ветосью, вовсе сделал вид, что посторонних не замечает, а больше в княжеских покоях никого не было. То есть кроме самого князя и девиц.

Трех.

– Что здесь делают посторонние? – поинтересовалась одна, шупавшая князю лоб. Причем этак весьма по-хозяйски шупавшая, будто бы это был ее личный лоб и личный князь.

Девице захотелось вцепиться в волосы.

– Мы не посторонние, – Авдотья огляделась. – Мы с визитом.

– Князь не принимает, – заявила другая, светловолосая.

И главное, волосы завитые.

Уложены.

Глаза блестят.

Губы бантиком и алою помадой подкрашены. А вид нахальный-пренахальный. Третья и вовсе руки в бока уперла, ноженькой топнула и велела:

– Убирайтесь, пока я стражу не вызвала...

– Сама убирайся, – велела ей Одовецкая, отстраняя старшую. – Что вы тут наворотили? Кто сочетает заклятье успокоительное с регенерирующим? Это же чему вас учили?

То есть вот эти девицы – целительницы?

– А еще эфир добавили... – Одовецкая наклонилась и понюхала князя. – Господи, дай мне силы... Я сейчас бабушку позову, пусть посмотрит, чему ныне целителей учат.

Девицы переглянулись.

Одна плечиком повела, вторая фыркнула, третья лишь глаза закатила.

– Ее давно в университет звали... – Одовецкая что-то рисовала в изголовье пальчиком, – но она все отказывалась. Нет, это надо додуматься, после нервного потрясения в глубокий сон погружать. Да вы понимаете, что он от этого сна может не очнуться! Если еще и сонным настоем накачали... Вы его убить хотели?

– Сильно умная, да? – поинтересовалась старшая, впрочем, голосу ее не хватало решительности.

– Умнее некоторых, – Таровицкая подошла к постели и, ткнув в князя пальцем, спросила: – Так он что, спит?

– Спит, – подтвердила Одовецкая.

– И долго спать будет?

– Понятия не имею. Они на нем все снотворные заклятья перепробовали. Там все так смешалось, что... боюсь, бабушку все же придется звать. Сами мы его не разбудим.

– Нам... – темленькая сглотнула. – Нам велено было сделать так, чтобы он успокоился, и мы...

– И вы применили все, чему вас учили, и сразу, – с ехидцей завершила фразу Одовецкая. – Наверное, стоит порадоваться, что кровопускание ныне не в моде, иначе всю бы кровь сцедили. Из благих побуждений, да...

– Да кто ты...

– Никто, – на раскрытой ладони Таровицкой появился огненный шар. – Но сдастся мне, мы имеем дело с заговором.

– К-каким?

– С покушением на жизнь...

И недвижимость, которую ныне явно представлял собою князь. Лизавета бочком шагнула к постели, уж больно бледным выглядел Навойский. А наволочки с кружевами. На таких спать неудобно, тетушка тоже раньше все пришивала для красоты пущей, только после сама же призналась, что красота эта ночью колется.

– Да что они себе позволяют! – взвизгнула блондиночка, тряхнувши кудрями. – Явились... говорят тут незнамо что... Да гоните их в шею.

– Попробуйте, – Авдотья за револьвер хвататься не стала, просто по стеночке стукнула, и стеночка та задрожала. Выходит, тоже маг?

И земли наверняка, если камень так отзывается.

И...

– Кыш пошли, курицы, – сказала Одовецкая, – а то и вправду бабушке нажалуюсь. Отправят вас тогда переучиваться, что и не мешало бы, да больно средств государственных жаль...

– Государственные не потратятся. Учат за свои, – уточнила Лизавета тихонечко. А девицы кивнули, подтверждая, что именно за свои.

– Тогда и жалеть не стоит...

Они все же ушли. Удалились.

И наверняка лишь затем, чтобы после вернуться с подкреплением. Жаловаться станут, как пить дать... а еще целительницы.

Лизавета вздохнула и подошла-таки к кровати.

Князь дышал. И морщился во сне. И...

Одовецкая его ущипнула, он и рукою дернул.

– Рефлексы сохранились, чувствительность тоже... хорошо... очень хорошо, – Одовецкая похлопала князя по щекам. – Просыпайся...

– Ты же...

– Мало ли чего я сказала. Если б эти курицы были в себе уверены, то ответили бы, что заклинания разного вектора обладают способностью к взаимному поглощению, а оставшийся потенциал перераспределяется в заданных контурах.

– Не умничай, – Таровицкая огонь пригасила. – А ты иди, буди красавца...

– Чего это я? – Лизаветины щеки предательски полыхнули.

– А ему твои глаза нравятся. И вообще, видела? Будешь глазами хлопать, точно уведут. Целительницы такие как поисцелят, то вовек не расхлебаеть... – кажется, это она вовсе не про князя говорила. Но Лизавета предпочла сделать вид, будто не поняла ничегошеньки, впрочем, не она одна.

Как будят князей?

Колокольчиком?

Или подносом, на котором кофейник с легким завтраком, чтобы можно было прямо в постели? Или еще как-то? Лизавету прежде жизнь с князьями, тем паче заморенными этой самой жизнью, не сводила. А тут и смотрят все с немалым любопытством.

– Гм... просыпайтесь, – робко сказала она, дернув Навойского за палец, а тот, скотина этакая, даже не пошевелился, всхрапнул только и губами шлепнул.

– Нет, – со знанием дела произнесла Авдотья, устраиваясь в кресле у окна. – Так оно не выйдет. Ты сказок не читала? Целовать придется.

– Почему это? – Таровицкая как ни в чем не бывало заняла второе кресло, скинувши на пол несколько крохотных подушечек.

– Спящих красавиц только поцелуями будят.

– Так то красавиц...

– Хватит уже, – Одовецкая укоризненно покачала головой. – У него просто сон глубокий, а вы смущаете...

– Его смутишь, пожалуй...

– Не его...

– А она, если сильно смущаться станет, так в старых девах и останется, – отрезала Авдотья и, поднявши в ладонь фарфоровую безделушку, взвесила ее на ладони.

– Ничего страшного, – Лизавете с грустью подумалось, что участи старой девы ей в любом случае не избежать. Проснется князь сейчас или позже, да только... Кто он?

И кто она?

Вот именно...

Авдотья взвесила безделушку, а после как запустила в кровать, гаркнув:

– Подъем!

Князь и вскочил.

Кубарем скатился с кровати, лоб едва не расшибши. И, вставши на четвереньки, закрутил головой, заворчал...

– Ты сдурела? – поинтересовалась Таровицкая.

– Папенька мой порой обходы делает. Иногда попадают несознательные личности, которые спят на посту. А тут только так понять можно, сам заснул или заклятье какое наслали.

– Этак и зайкой сделать можно, – Одовецкая подала князю руку, но тот лишь упрямо головой мотнул и, вцепившись в кровать, поднялся на колени.

После и сел.

– А мы вот... – Лизавета прижала ладони к щекам, надеясь, что хоть так уймется пожар их. – Мы к вам в гости пришли...

– Вижу, – мрачно сказал Навойский.

А быть старой девой, если разобраться, не так уж плохо... кошки, вышивка и сплетни с соседями. А главное, никаких тебе грозных князей, которые смотрят так, будто прямо тут казнить станут.

Он не спал.

Вернее, это не было похоже на сон, скорее уж на оцепенение. Димитрий еще держался, когда прибыли целители. Кажется, требовал, чтобы сперва они Святозару помогли.

И Асинью отправил приглядывать.

Или сама она ушла?

После князь отключился, чтобы очнуться уже в собственных покоях, где стало на редкость душно. Пахло ванилью, а его трогали, ворочали. Хоть бы кто напоить догадался, можно и не водой. Головная боль окрепла, разлилась, вытеснивши способности чувствовать хоть что-то.

Его раздели. Уложили.

Опутали коконами заклятий, погружая все больше в то прежнее оцепенение. Он слышал голоса...

– Папа велел присмотреть... и присмотреться, – женский и незнакомый, вызывающий очередной приступ боли. – Навойский неплохая партия...

– По-моему, он пока пациент, и это не совсем этично.

Голосов было много. Они то спорили. То соглашались друг с другом, а главное, не желали оставить Димитрия в покое.

А уже потом появились другие. Он ощутил прохладную ладонь на лбу и силу, от этой ладони исходящую, и стало легче дышать. Он и задышал, а потом вдруг что-то ударило по лбу и грозный голос велел вставать.

Димитрий подчинился.

И он ненавидел попадать в ситуации преглупые, а ныне, стоящий на четвереньках, окруженный девицами, которые разглядывали его с немалым любопытством, Димитрий чувствовал себя на редкость глупо.

– Знаете, – сказала Авдотья Пружанская, которая целиком в папеньку пошла, пусть и был генерал Пружанский невысок, полноват и с виду мягок, как свежий каравай. – А мы тут с просьбой...

И потупилась.

Димитрий тряхнул головой, пытаясь отделаться от боли.

– Нам бы Стрежницкого повидать...

– З-зачем?

– Просто...

– Обойдетесь, – он был зол.

– А я говорила, – заметила Таровицкая, – что целовать надо. Целованные мужчины куда добрее нецелованных...

– Это ты по личному опыту судишь? – Одовецкая не удержалась от шпильки.

– Куда без него. Когда маменька на службу отъезжает, с папенькой и говорить невозможно, а вернется, поцелует, глядишь, и опять человеком становится...

– Я не ваш папенька, – пробурчал Димитрий, кое-как подымаясь. Вспомнилось, что вид у него на редкость неподходящий для встречи гостей.

Тем более таких.

Рыжая вот смотрела.

С укоризной.

С обидою непонятной. И на что обижалась? Сама ведь пришла, а что он взопревший, в рубахе мятой, которая к коже прилипла, так Димитрий не виноват... и...

– Я знаю, – Таровицкая вздохнула и пожаловалась: – А нас тут в убийстве обвинить пытаются...

– Не удивлен, – Димитрий понял, что до ванной комнаты, где должен был быть халат, он не доберется. И вовсе не сумеет пока и шагу сделать, потому как ноги не слушаются. Шелокнешься, равновесие утратишь мигом и полетишь тогда рожею да в пол.

– Мы не убивали!

– Удивлен.

– Я не убивала, – наконец заговорила рыжая. – Я его оглушила только... и связала, чтобы не убежал. А когда вернулась, он уже мертвым был. Он говорил про бунт и... вообще смуту... и...

Она запнулась, замолчала и покраснела так премило.

А Димитрий вздохнул.

Что за жизнь? Поболеть и то без трупов не дадут.

– А ваш заместитель, такой кучерявенький, – Таровицкая покрутила пальцем у виска, – решил, что Лизавета его убила...

– Его, между прочим, отравили, – вмешалась Одовецкая.

– Заместителя? – не без надежды поинтересовался Димитрий, правда, сбыться оной было не суждено.

– Газетчика!

Плохо.

Отвратно просто... газетчиков убивать никак не можно, ибо вони поднимется... небось сразу заговорят про невинные души и кровавый режим, который борцов за всеобщее народное благо душит.

Ну или травит.

Объявят мучеником, тут и думать нечего.

– Рассказывай, – Дмитрий ткнул пальцем в кресло, а сам попытался сделать шаг, но удержался на ногах с немалым трудом. – Твою ж...

– Это скоро пройдет. Остаточный паралич, – Одовецкая сдавила пальцами запястье. – Вам стоит пока присесть. И вообще, вы понимаете, что с вашим образом жизни вы не то что до ста, вы до пятидесяти лет не дотянете? Вы истощены...

Все же целителей Дмитрий недолго любил.

Занудны они.

– А может, – он поморщился, но силу, которую вливали – прохладную, мятную, – принял, – вы все же Стрежницкого навестите... проверите... заодно и подлечите...

– Так вы ж возражали? – Авдотья поднялась первой.

– Передумал...

– Экий вы передумчивый. – Таровицкая тоже встала и, расправив юбки, произнесла: – Полагаю, у вас хватит совести о Лизавете позаботиться? Она точно никого убить не способна...

Глава 11

Его было жаль.

Вот нельзя мужчин жалеть, это Лизавета давным-давно усвоила. Не любят они того. И вовсе злятся. А потому жалость к ним надобно скрывать, а лучше и вовсе делать вид, будто все в порядке.

Но князя все равно было жаль.

Какой-то он... неприкаянный.

И девицы эти... бестолковые. Подушек кружевных натащили, а переодеть не переодели.

– Может, – когда все вышли, в комнате стало тихо-тихо... – вам помочь до ванной добраться? А то ведь...

Взъерошенный.

И волосы темные слиплись прядками. Одна ко лбу приклеилась. А на щеке щетинистой красный отпечаток кружева...

– Я... пожалуй... сам... – он сделал шаг и замер, к себе прислушиваясь. А Лизавета встала. Не хватало еще, чтобы из-за гордости своей, которая нынче с глупостью граничит, он упал. Этого точно не простит... нет, не падения, а того, что Лизавета его видела.

– Сам, – согласилась она, подставляя плечо. – Конечно. А я так... просто...

Заворчал. Насупился.

Как дите малое, ей-богу. А еще князь грозный, страх Божий и все прочее по чину... за уши его бы оттащить да в угол на горox поставить, пока не осознает, что невозможно себя загонять вот так.

– От воды станет легче, – зачем-то пообещала Лизавета. – И... может... я не хотела вас будить. Просто мы беспокоимся.

Он ступал осторожно и старался на Лизавету не опираться, но его все одно покачивало. И наверняка это было на диво неприлично, если кто узнает, то репутация Лизаветина...

Леший с ней, с репутацией. Нужна она старой деве как собаке дудка. Зато хоть вспомнить что будет.

– Не стоит, – неожиданно мягко произнес он. – Вам бы вовсе... уехать...

– Куда?

– На воды.

– Зачем?

– А зачем туда все ездят? – князь остановился, переводя дыхание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.